SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Валентин Яковенко
  -
  - ГЛАВА I. НАКАНУНЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ
  - ГЛАВА II. АДАМ СМИТ КАК ЧЕЛОВЕК
  - ГЛАВА III. АДАМ СМИТ КАК ПИСАТЕЛЬ И МЫСЛИТЕЛЬ: “ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ” И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
  - ГЛАВА IV. АДАМ СМИТ КАК ПИСАТЕЛЬ И МЫСЛИТЕЛЬ:
  - ГЛАВА V. АДАМ СМИТ КАК ПИСАТЕЛЬ И МЫСЛИТЕЛЬ:
  - ГЛАВА VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ИСТОЧНИКИ
- notes
  - 1

Валентин Яковенко
Адам Смит. Его жизнь и научная деятельность

Биографический очерк В. И. Яковенко

С портретом Адама Смита, гравированным в Лейпциге Геданом

ГЛАВА I. НАКАНУНЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Необходимость некоторого предварительного знакомства с экономической жизнью эпохи. – Натуральный характер хозяйства в средние века. – Усиливающийся рост городов. Влияние крестовых походов. – Влияние открытия Америки и морского пути в Индию вокруг Африки. – Разрушение старого экономического строя в Англии. – Изменения в населении, сельском хозяйстве, промышленности. – Машины. – Торговля. – Промышленная и торговая опека правительства. – Умственное движение XVIII века. – Меркантильная теория. – Зарождение новых воззрений: Нетти, Дёдлей, Норт, Локк, Юм. – Школа физиократов во Франции: Кенэ, Тюрго

Адам Смит приобрел мировую известность своими *“Исследованиями о природе и причинах богатства народов”*. Многие считают его творцом политической экономии. Политическая же экономия, исследующая законы производства, распределения и потребления материального богатства, состоит в самой тесной связи не только с общим состоянием знания и умственным развитием человечества, но и с экономической жизнью или экономическими отношениями известного момента. Более чем к какой-либо другой науке к ней приложимо утверждение, что та или другая теория есть дело не столько усилий единичного творческого ума, сколько известных внешних явлений в жизни общества. Тут deus ex machina, хотя бы machina представляла лабораторию гениальнейшей головы, не появляется. Поэтому, чтобы понять и оценить любую экономическую теорию, необходимо изучить экономическую жизнь соответствующего времени. Тем более необходимо такое изучение для оценки великого произведения шотландского философа. Оно оказало громадное влияние на ход экономической и вообще общественной жизни только потому, что само было настоящим, подлинным продуктом и выражением радикально изменившихся условий производства и обмена. Революция, совершившаяся без всяких деклараций и провозглашений о самой себе в экономических условиях общественной жизни, нашла своего истолкователя в лице человека, совершенно чуждого какой бы то ни было *деятельной* жизни, всецело погруженного в свои *отвлеченные* занятия. Познакомимся предварительно, хотя бы самым беглым образом, с этими экономическими изменениями в

ходе общественной жизни, а затем перейдем к Адаму Смиту и его великим экономическим открытиям, которые, по словам Бокля, “в продолжение двух поколений уже произвели полное изменение в торговом законодательстве нашей страны (Англии), а теперь хотя медленно, но верно действуют на другие европейские государства, где общественное мнение не так могущественно и где потому трудно установить великие истины и искоренить старые заблуждения”.

Экономические отношения и деятельность в средние века отличались, по сравнению с современными, чрезвычайной простотой и несложностью. Христианская церковь, представлявшая в ту пору господствующую общественную силу, не могла, по самой сущности своего учения, особенно поощрять развитие материальных интересов. Она преследовала более возвышенные цели. Правда, она возводила в религиозный догмат необходимость труда, но при этом доводила до минимума материальные потребности человека и видела идеал в аскетизме. Поощряя трудолюбие, она ограничивала сферу промышленной деятельности производством лишь самых необходимых предметов потребления. То, к чему человек должен относиться как к наказанию, не должно служить источником наслаждения. Поэтому, признавая земледелие и ремесло законными способами приобретения пищи и одежды, она удерживала их на известном низком уровне, пропагандируя скудость в пище, простоту в одежде и так далее. Что же касается торговли, то она не пользовалась расположением церкви,

а процент, этот могущественнейший в последующие времена стимул к сбережению и накоплению богатства, находился под прямым запретом канонических законов. Таким образом, хозяйство в средние века носило *натуральный* характер. Каждая хозяйственная единица собственными силами производила все необходимые предметы потребления и потребляла их, и если и выносила на рынок, то в самом незначительном количестве. Разделение труда проводилось в очень слабой степени, и потому труд не отличался ни той производительностью, ни таким совершенством, как в последующие времена. Торговля существовала в виде простой мены и купли-продажи на наличные деньги, и то в ограниченных размерах. Это натуральное хозяйство держалось на крепостном труде, что также связывало дальнейшее развитие экономической деятельности в сторону капитализма и свободной торговли.

Города с их свободными общинами вначале представляли единственные центры, в которых исподволь вырабатывались основания нового порядка. Такое значение имели, например,

знаменитый Ганзейский союз на севере и итальянские республики на юге. Внутреннему росту городов много содействовала продолжительная борьба королей с независимыми гордыми феодалами, а впоследствии и с церковью, когда короли за поддержку, оказанную им, наделяли богатые города разными привилегиями. Крестовые походы оказали также громадное влияние как на развитие городов, так и вообще на дальнейший ход жизни европейских государств: торговые сношения с этого времени чрезвычайно расширяются и оживляются; они становятся источником богатства многих городов; образуются значительные движимые капиталы; выделяется и быстро становится силой буржуазия; в производство также вводится много новых приемов и усовершенствований, позаимствованных на Востоке; наконец и положение крепостного населения, которому открывался путь (хотя бы и для отдельных лиц) к полному освобождению, значительно улучшается.

Открытие Америки и морского пути в Индию вокруг Африки было событием первостепенной важности в экономической истории Европы; оно, как говорит г-н Чупров, “является основным агентом, переделавшим весь экономический строй”. Натуральное хозяйство должно было рушиться. На первых порах преобладающее значение получает торговля: европейские страны находят обширные рынки для сбыта своих произведений, а взамен получают массу драгоценных металлов. Не так бросается в глаза революция, совершающаяся в самом производстве; но, тем не менее, социальная почва постепенно подготавливается, и великие механические изобретения Аркрайта, Уатта и других находят все необходимые условия для своего осуществления, и бескровная (хоть, увы, не безжертвенная) революция совершается. Вместе с тем, в сфере распределения растет роковая неравномерность, растет и угрожает новыми страшными потрясениями современному цивилизованному человечеству, если оно не найдет надлежащего выхода, что и составляет задачу нашего времени. Адам Смит написал свою книгу накануне промышленной революции и написал ее в Англии, то есть в стране, которая может служить прообразом промышленного развития всех остальных европейских стран. Поэтому нам необходимо подробнее ознакомиться с ходом разрушения старого экономического строя в Англии.

За первую половину XVIII столетия *население* Англии увеличилось на 17–18 %, а за вторую – более чем на 52 %, разница для двух непосредственно следующих один за другим периодов чрезвычайно значительна. Для первого периода характерное обстоятельство представляет быстрое развитие

торговли, а для второго – изменения в сельскохозяйственной и промышленной системах производства. В распределении этого населения также происходят значительные изменения. Население увеличивается преимущественно в промышленных графствах и городах. В 1696 году число городских жителей, по приблизительному подсчету, составляло четвертую часть всего населения. Артур Юнг, писавший в 60-х годах восемнадцатого столетия, говорит, что в это время население одного Лондона составляло уже шестую часть всего населения и что "половина народа жила вообще в городах". В наше же время, как известно, городское население в Англии составляет уже более чем *2 /3* всего вообще населения.

Такое громадное передвижение населения из деревень в города, от земледельческих занятий к промышленным, свидетельствовало о коренных изменениях, происходивших в сельском хозяйстве и промышленности.

Действительно, мелкие крестьяне-собственники, владевшие пастбищами, лугами, лесами на общинном праве, йомены, доставившие некогда победу Кромвелю и к концу XVII столетия еще превосходившие фермеров по численности, к концу XVIII века исчезают почти совершенно. Происходит концентрация поземельной собственности в руках лендлордов; образуются крупные фермы и окончательно устанавливается типичное батрачное хозяйство. "Не знакомый с английской историей, – говорит Тойнби, – может подумать, что страна подверглась в это время опустошительному нашествию врагов или перенесла тяжелые и в высшей степени многознаменательные внутренние потрясения. Вначале под влиянием усилившегося спроса на шерсть крупные землевладельцы захватывали (огораживали) только общинные пастбища; но позже они стали огораживать и пахотные земли. Мелкий собственник, лишившись пастбища и леса, не мог вести дальше хозяйства, продавал свой участок и уходил в город или превращался в батрака. На его месте появляются крупные арендаторы, капиталисты. Таким образом, к чудовищным захватам присоединилась еще добровольная продажа. Сама система хозяйства радикально изменяется. Пашня запускается под пастбище, а в тех случаях, когда она обрабатывается, арендатор вкладывает в дело капитал и заводит более совершенные системы. "На месте прежних мелких земледельцев, которые были одновременно и землевладельцами, и капиталистами, и рабочими, появились, говорит Чупров, три раздельных класса: крупный землевладелец – лендлорд, который довольствовался получением ренты, но сам не вел сельского хозяйства как промысла, а занимался им только для

удовольствия; крупный фермер – капиталист, который собственно являлся предпринимателем и главным деятелем в земледельческом хозяйстве; и, наконец, наемный рабочий, прилагавший свою силу по указанию и под надзором фермера. Этот новый оригинальный строй земледельческого хозяйства неуклонно преподносился авторам первых научных систем политической экономии и наложил неизгладимую печать на их построения". К сожалению, этот новый экономический строй "преподносился" даже наиболее гениальными из первых политэкономов не с надлежащей полнотою: они не замечали, что развалины жилищ, амбаров, хлевов, по свидетельству одного современника, представляли единственные следы прежних обитателей…

В средние века *промышленность* имела ремесленный характер. Изделия приготавливались преимущественно по заказу или на ближайший рынок; орудия труда отличались простотой; в самом производстве предприниматель и рабочий не представляли резко обособившихся сторон; все отношения и вся деятельность ремесленников точно определялись цеховыми уставами. С наступлением новых времен цеховое ремесло уступает место мануфактуре, которая и господствует в производстве до великих механических изобретений, то есть до конца XVIII века. Мануфактура держится на детальном разделении труда и на одновременной работе большого числа ремесленников в одном помещении, под началом, так сказать, одного и того же капитала. Мануфактура представляет все элементы фабричного капиталистического производства: разъединение производителя и предпринимателя, производство для рынка, противоположность труда и капитала и так далее; ей недостает только машины, придающей всем элементам грандиозные размеры и делающей излишним последний остаток ремесленного устройства, то есть знание известной специальности, ручное искусство, ловкость. Однако такая типичная мануфактура не сразу становится на место ремесла. Независимый ремесленник, самостоятельно закупавший сырье для своих изделий и самостоятельно же продававший последние на рынке, подпадает сначала под власть скупщика, который является посредником в его операциях по купле-продаже. С течением времени этот скупщик становится участником в самом производстве: он раздает сырье ремесленникам (кустарям) на дом, и последние, хотя владеют еще орудиями производства, работают, однако, уже на предпринимателя. Возникает домашняя система крупного производства, в дальнейшем своем развитии превращающаяся в мануфактуру. Причинами такого превращения служат, кроме

самого характера производства, в иных случаях еще и выгода, и удобства наблюдения над работой, и экономия времени, и т. п. Для мануфактуры необходим уже рабочий, свободный от средств производства. Обезземеление крестьянства, происходившее разными путями, дает совершенно достаточный контингент таких свободных рабочих. Полное разрешение цеховой организации развязывало руки и в правовом – или, вернее, бесправном – отношении: обе стороны, предприниматели и рабочие, ничем не сдерживались уже в своих добровольных сделках. Государство не скоро еще пришло на помощь слабой стороне. Таким образом, почва была хорошо взрыхлена и посевы *капитализма* должны были дать хороший урожай. Однако до появления машин все находится еще в зачаточном состоянии. Во времена Смита в Англии наиболее распространены были производства по обработке шерсти и железа. Наряду с большими мануфактурами практиковалась в громадных размерах раздача сырья на дом. На глазах Смита совершался тот же процесс превращения самостоятельного кустаря в простого рабочего, какой на наших глазах происходил и происходит еще в России. Не напоминает ли следующее описание Дефо картинок из нашей, если не текущей, то вчерашней, промышленной жизни? “Земля около Галифакса была разделена, – говорит он, – на мелкие участки от двух до шести и семи акров каждый; на этих участках построены дома на таком расстоянии один от другого, что можно было переговариваться; в каждом доме можно было видеть раму с куском сукна или какой-либо шерстяной материи, а при более зажиточных домах были фабрички (наши светелки). Каждый суконщик держал по крайней мере одну лошадь для того, чтобы возить свои изделия на рынок, а также корову, две и больше, для потребностей семьи. Кустари кормились от ремесла, так как земельные участки были слишком ничтожны и зерна едва ли хватало на прокорм домашней птицы. Избы обыкновенно были переполнены здоровым рабочим людом, и всякий находил себе занятие, от самого старого до самого молодого: кто при красильном чане, кто при станке, кто занимался лощением сукна. Дети и женщины расчесывали шерсть и пряли. Там нельзя было встретить ни нищего, ни праздношатающегося…” Но такая кустарная идиллия продолжается недолго. Артур Юнг, путешествовавший по Англии несколько позже, говорит о целых деревнях, о целых округах, где кустари в своих избах работали уже на мануфактуристов, а еще несколько десятков лет спустя, с появлением машин, они принуждены были заколотить свои избы и отправиться на фабрику. Машина не только тогда, но и до сих пор еще не нашла дороги в “светелку”; выдерживать же борьбу с

фабрикой “светелка”, само собою разумеется, не в состоянии. Поэтому она неизбежно погибала и погибает.

Такова была промышленная атмосфера, окружавшая Смита. Он не знал еще паровой машины (кроме машины Ньюкомена) и не мог предвидеть тех чудес, которые породила она в XIX столетии. Из механических приспособлений его времени следует отметить лишь самопрялку, самолетный челнок, валяльную мельницу и еще некоторые незначительные усовершенствования в ткацком деле. Но почти одновременно с опубликованием его книги появляется целый ряд изобретений и усовершенствований: Харгревс изобретает прядильную машину; Аркрайт утилизирует изобретения Уайта для прядения посредством навоя и приспосабливает для их движения силу воды; Уатт изобретает паровую машину высокого давления; Робёк плавит железо на угле; Бринлей соединяет промышленные и торговые центры посредством каналов; несколько позже появляются прядильная машина Кромтона и ткацкий станок Картрайта. Эти изобретения произвели техническую революцию в производстве, для которой экономические условия были уже вполне подготовлены в Англии.

В области *торговли* Англия в XVIII веке занимала одно из первенствующих положений среди европейских государств. Благодаря открытию Нового Света и наплыва драгоценных металлов от примитивного средневекового обмена не осталось и следа. Торговля не только развивалась, но становилась чуть ли не главной общественной силой. Векселя, банки, акционерные компании и так далее – все это появилось к ее услугам. Мало того, для стран, которые не владели рудниками, она представляла единственное средство разжиться звонкой монетой, “презренным” металлом. Но он стал презренным только в глазах нашей современной буржуазии, пресытившейся им и познавшей тщету его, а в то золотое время пробуждения к новой промышленной жизни на этот металл смотрели как на богатство народное и всякими мерами поощряли ввоз его. Таким образом, торговля сама по себе в глазах правителей получает значение вернейшего средства для обогащения нации.

С разрушением цеховой организации и развитием торговых сношений, как внутренних, так в особенности внешних, правительство берет на себя руководительство промышленной и торговой деятельностью народа; производители обязывались изготовлять свои изделия по предписанным правительством образцам (в противном случае они подвергались разным взысканиям); заработная плата регулировалась предписаниями закона; чтобы обеспечить дешевый труд, устанавливались низкие таксы на предметы первой необходимости. Мало того,

правительство вмешивалось даже в потребление. Елизавета в заботе об отечественной рыбопромышленности установила “политический пост”, запретив употребление мяса в течение двух дней в неделю. Позже (в 1666 году) предписано было хоронить мертвых обязательно в шерстяном платье. Все это делалось, понятно, для поощрения народного труда… для поощрения тех отраслей промышленности, из которых извлекались наибольшие доходы. Внешняя торговля с отдаленными странами находилась в руках нескольких компаний, пользовавшихся громадными привилегиями и представлявших чуть ли не государства в государстве. Большое значение для развития внешней торговли Англии имел “навигационный акт” Кромвеля. По этому акту вести торговые сношения с колониями Великобритании дозволялось только на таких судах, владельцы которых, капитаны и три четверти экипажа были великобританские подданные; затем, чтобы уничтожить посредничество других стран, дозволялось ввозить громоздкие товары на означенных судах только из тех стран, где эти товары производились. “Навигационный акт” передавал всю торговлю с обширнейшими колониями Англии исключительно в руки английских купцов и породил, можно сказать, морское могущество Великобритании. Дальнейшая торговая политика Англии до провозглашения независимости Северо-Американских Соединенных Штатов, что случилось несколько лет спустя после опубликования “Исследований о богатстве народов”, следовала тому же пути. Богатейшие в мире колонии должны были производить одно только сырье, которое поступало на фабрики деятельнейшей в мире метрополии или по ее усмотрению распределялось по всемирным рынкам. Взамен этого колонии получали из метрополии мануфактурные изделия, причем не только был безусловно запрещен ввоз в колонии иностранных изделий, но и подавлена всякая местная мануфактурная деятельность. Если бы, замечает по этому поводу Роджерс, можно было блокировать все американские порты во время войны за независимость, то инсургенты скоро были бы безоружны, так как они не сумели бы приготовить себе оружие. Чтобы удержать в своих руках обрабатывающую промышленность, Англия должна была не только подавлять проявление промышленного духа в колониях, но и поощрять его развитие у себя. Действительно, она старалась привлечь искусных мастеров, запрещала им выселяться, поддерживала у себя производство ввозными пошлинами, запрещала вывоз усовершенствованных орудий, улучшала сообщения и т. д. Однако эта запретительная система, которой так упорно придерживалась Англия, и эти механические

изобретения, которые были сделаны ее практическим гением и которые она ревниво оберегала, неизбежно влекли ее на совершенно другой путь промышленной и торговой деятельности. Такой же запретительной политике следовали и другие государства, и Англия в конце концов почувствовала, что запретительная система мешает расширению ее торговли, что ее промышленность не боится уже никакой конкуренции, что, одним словом, настало время, когда ей выгодно сбросить путы с торговли и промышленности и вступить на путь свободной экономической деятельности.

Мы говорили до сих пор об экономических явлениях, но не следует упускать из виду и того широкого и могучего умственного движения, которым ознаменовалось XVIII столетие, в особенности его вторая половина. Знаменитый труд Адама Смита непосредственно примыкает к этому движению и составляет его нераздельную часть. Пробил час не только одной экономической опеки. Во всех сферах человеческой деятельности чувствовалось обновление. По крайней мере, мысль человеческая простиралась далеко и пыталась переделать заново весь социальный механизм. Характерных проявлений этого движения следует искать во Франции того времени; но они имели общемировое значение. Имена Вольтера, Руссо, энциклопедистов принадлежат не одной Франции. Вольтер разрушил нестерпимую опеку католической церкви. Руссо перенес вопрос об опеке на политическую и социальную почву и апеллировал к естественному праву человека.

Энциклопедисты в своей знаменитой “Энциклопедии” пытались дать ответы на все вопросы с точки зрения новых воззрений. Как бы велико ни было различие между отдельными мыслителями, но всех их воодушевляло одно общее стремление, одна общая мысль: освободить личность от разных пут средневекового мировоззрения и средневекового склада жизни. Начало *индивидуализма* в различных его проявлениях – вот краеугольный камень всех построений блестящего ряда мыслителей XVIII века. Англия, как нация по преимуществу практическая, выдвинула мыслителя-индивидуалиста в сфере вопросов преимущественно практических, деловых. “Свобода, свободная индивидуальная деятельность есть для Смита, – пишет один экономист, – всеоплодотворяющий и одухотворяющий элемент; это есть воздух, которым дышит хозяйство, свет, который освещает богатство, дыхание жизни, которое все проникает и призывает к живой деятельности, базис для общего развития и усовершенствования, рычаг всякого успеха и, наконец, истинная волшебная формула, с помощью которой все дурное

изгоняется, а все доброе, великое и прочное вызывается". Только мыслитель второй половины XVIII века мог воодушевиться в такой мере принципом "свободной индивидуальной деятельности" и, опираясь на нее, перевернуть в сфере мысли, точно Архимед, нашедший точку опоры для своего рычага, ходячие понятия относительно экономической деятельности и очистить путь для новых течений в общественной жизни. "Исследования о богатстве народов" есть только одна из глав великой книги, написанной выдающимися мыслителями второй половины XVIII века, и одно из дел – так как она, эта книга, была вместе с тем и настоящим делом, – совершенных людьми того же поколения.

Теперь мы познакомимся с разработкой политико-экономических вопросов до появления знаменитых "Исследований": с одной стороны, с зародышами тех мыслей, которые были изложены и развиты впоследствии в этих "Исследованиях", а с другой – с противоположным, господствовавшим в ту пору учением, известным под термином *меркантилизм.*

Меркантильная теория отождествляла понятие о богатстве с понятием о деньгах. Страна тем богаче, по этой теории, чем большим количеством золота и серебра она располагает. Двойственный характер денег как предмета торговли и как мерила ценности долго поддерживал это заблуждение, а масса драгоценных металлов, нахлынувшая из вновь открытых земель, побудила государственных деятелей и мыслителей изощряться в придумывании мероприятий, посредством которых можно было привлечь в свою страну наибольшее их количество. Для страны, не имевшей собственных рудников, единственным средством являлся обмен. Следовало так организовать его, чтобы страна вывозила возможно большее количество товаров и ввозила возможно меньшее, а разницу вывоза над ввозом получала золотом или серебром. На первых порах меркантилисты обращают внимание на приток именно этих драгоценных металлов, и потому систему их можно назвать системой *денежного баланса.* Но с дальнейшим развитием торговли эта система оказалась и стеснительной, и неправильной. Товары нередко ввозятся с тем, чтобы их вывезти потом и перепродать с прибылью; уплаченные за них деньги возвращаются со временем даже с лихвою; тем не менее, в данный момент из страны уходит известное количество золота или серебра и денежный баланс может оказаться не в пользу ее. "Однако, – замечает меркантилист Мен, – если бы мы стали судить о земледельце только в минуту посева, когда он разбрасывает по земле такое

количество прекрасных зерен, то мы могли бы принять его за безумного. Но если мы вспомним в то время о жатве, составляющей цель его забот, то можем оценить по достоинству его труды и вытекающее из них изобилие". Наконец, никакое запрещение не в состоянии предупредить вывоз золота и серебра контрабандным путем, раз это оказывается выгодным. Поэтому меркантилисты заменили систему денежного баланса системой *торгового баланса:* золоту и серебру может быть предоставлена свободная циркуляция, а государство должно заботиться лишь о том, чтобы вывоз товаров всегда превышал ввоз. Меркантилисты всегда представляли себе две страны как два враждебных лагеря: благоденствие одной обусловливалось разорением другой. Они были узкими националистами в политической экономии и естественными врагами широких общечеловеческих идеалов. Вообще же меркантилистов характеризуют не столько общие экономические идеи, цельное экономическое учение, сколько нижеследующие, скорее практические, стремления: 1) стремление придавать чрезмерное значение запасам золота и серебра; 2) стремление превозносить иностранную торговлю перед внутренней и обрабатывающую промышленность перед добывающею; 3) стремление придавать слишком большое значение густоте населения и 4) стремление к государственному вмешательству в торговые дела.

Меркантилизм получает широкое распространение и становится силой, начиная с XVI столетия. Карл V в Испании, Генрих VIII и Елизавета в Англии, Кольбер во Франции руководствовались в своей деятельности меркантильным учением, в особенности прославился в этом отношении Кольбер, именем которого иногда называют даже и само учение.

Вообще, меркантилизм был силен не теорией, а практикой; он представлял слишком ограниченное и узкое учение, чтобы теоретическая разработка его могла послужить поприщем для действительно гениального ума. Несравненно больший интерес имеют первые проблески более истинного учения, работы мыслителей и писателей, которых можно считать предшественниками Смита. Остановимся на них, так как они подготовили почву и даже посеяли многие из мыслей, давших такую превосходную жатву в "Исследованиях о богатстве народов".

Новые идеи зародились первоначально в Англии и затем были перенесены во Францию, где они получили более систематическую обработку. Дело началось, как это обыкновенно бывает, с критики господствовавших воззрений в области экономических явлений. Первую довольно заметную брешь в

меркантильном учении сделал *Петти* в середине XVII века. Он исходил из того положения, что “труд есть отец и творящее начало богатства, а земля – мать его”. Он ставит ценность в зависимость от количества труда, употребляемого на производство предметов, а всеобщим мерилом ценности считает среднее количество самой дешевой пищи, которая необходима для дневного пропитания человека; он высказывается против запрещения вывоза монеты и вообще восстает против всякого вмешательства правительства в промышленные дела.

Гораздо большее значение имеет сочинение *Дёдлея Порта* “Рассуждение о торговле”, вышедшее в 1691 году, то есть за 80 с лишним лет до появления работы Смита.

Дёдлей Норт смело порывает всякие связи с меркантилизмом, доказывает, что источником богатства служит человеческий труд, что прилив и отлив денег должен регулироваться самопроизвольно, что процент не должен быть ограничиваем законом, что весь свет относительно торговли составляет как бы одну нацию, что нельзя людей принуждать к деятельности по предписанному образцу, что никакие правительственные законы не могут определять цен в торговле и так далее. Со всеми этими мыслями мы встречаемся впоследствии и у Смита. Третьим членом триумвирата известных британских мужей, подкапывавшихся под меркантильную систему и положивших основание новой теории, был знаменитый *Локк.* Он сильно грешит против основания зарождавшегося нового учения; но не своими писаниями по экономическим вопросам он содействовал разрушению меркантильной системы и развитию нового направления в изучении экономических явлений, а своими политическими и философскими произведениями, в которых он боролся со средневековым мировоззрением, восставал против абсолютизма и произвола, прокладывал новые пути в изучении общественных философских и психологических вопросов и устанавливал новые точки зрения. Свет мысли, зажженный им вверху, должен был неизбежно распространиться на все области, расположенные ниже. Экономические исследования в трудах Локка приводятся в связь с общей системой критической философии, и если сам Локк не воспользовался всеми выгодами нового положения, то этим не преминули воспользоваться последующие мыслители. После Локка почти до середины XVIII столетия в экономической литературе обнаруживается застой, не появляется ничего важного. Таким образом, мы переходим ко времени Смита. Из его современников заслуживает особенного внимания с нашей стороны *Давид Юм.* Он был лет на десять старше Смита и стал писать намного раньше последнего. Юм

отвергает меркантильное учение, будто деньги – богатство, и признает подлинной силой и богатством народа его труд. Правительство должно заботиться о народе и промышленности, но ему совершенно незачем вмешиваться в обращение монеты. Процент также зависит не от количества денег, а от состояния промышленности, ремесел и торговли; он может служить барометром положения народа: низкий размер его показывает цветущее состояние общества. При обсуждении торговых вопросов Юм доказывает, что отдельные нации вовсе не враги, а сообщники в общем деле обмена. Он считал теорию ренты Смита ошибочной и высказал мысли, положенные в основание общепринятой теперь теории Рикардо. Но кроме многих верных положений, развитых Юмом по поводу отдельных вопросов, весьма важное значение имеет его постоянное стремление рассматривать экономические вопросы в связи с историей и законами человеческой природы вообще. Смит называет Юма одним из величайших философов-историков нашего времени, и последний, несомненно, имел на него большое влияние.

Теперь мы должны обратиться к Франции и к ее знаменитой школе экономистов, без знакомства с которыми нельзя ни понять, ни оценить надлежащим образом великое произведение Смита. Около середины XVIII века во Франции обнаруживается большой интерес к экономическим вопросам. Так, Вольтер в одной из своих статей говорит: “Около 1750 года нация, пресыщенная стихами, трагедиями, комедиями, операми, романами, романическими историями, а еще больше романическими нравственными рассуждениями и теологическими диспутами, начала, наконец, рассуждать о хлебе”. В 1759 году он же пишет: “Прощай, наше искусство, если дела будут идти так, как идут! Страсть к обличениям и проектам по финансовым вопросам овладела народом!” Действительно, экономическое и финансовое положение Франции было слишком плачевно. Политика меркантилизма и самого мелочного вмешательства в экономическую деятельность народа принесла свои горькие плоды. Разоренный народ, искусственная промышленность, уродливая торговля и в результате пустая казна – вот те беды, которые предшествовали крушению старого порядка. Естественно, что мыслящие люди должны были обратить свое внимание в эту сторону, и естественно, что мысль их приняла направление прямо противоположное господствовавшему до тех пор учению. Если раньше считали, что торговля создает богатства, то теперь стали доказывать, что торговля совсем непроизводительное занятие; если раньше первостепенное значение признавалось за торговлей и мануфактурной

промышленностью, то теперь стали придавать первостепенную важность земледелию; если раньше политика мелочной регламентации считалась величайшей мудростью, то теперь стали проповедовать полную свободу промышленности и торговли; началу безграничного вмешательства было противопоставлено начало безграничного невмешательства. Новые идеи о богатстве, труде, деньгах, торговле и так далее, впервые высказанные в Англии, были восприняты и быстро переработаны в целую систему, в законченное учение по другую сторону Ла-Манша. Так возникла *школа физиократов.* Источником богатства физиократы признавали одну только землю; она доставляет в сыром виде все продукты, необходимые для потребления человека, и дальнейшая обработка этих продуктов не создает никакого нового богатства. Фабричные и другие рабочие изменяют лишь форму продуктов, извлеченных из земли; правда, они придают им некоторую новую стоимость, но стоимость эта как раз равняется стоимости средств существования, потребленных рабочими во время производства; следовательно, в окончательном счете труд всех подобных рабочих нельзя назвать производительным. Точно так же и торговля не создает ничего нового; она перераспределяет лишь то, что создано трудом других. Таким образом, остается один только труд земледельца, который физиократы соглашаются признать производительным. Одна только земля доставляет такое количество продуктов, что за покрытием всех расходов по производству остается излишек, чистый доход. Вот на этот-то остаток земледельческих (и ископаемых) продуктов, буде он есть, и увеличивается ежегодно богатство народа. Он же должен служить и основанием для единого поземельного налога. Итак, все стремления должны быть направлены к возможно большему увеличению чистого дохода. Достигнуть этого можно легче всего, по мнению физиократов, при полной свободе деятельности каждого индивида. По отношению к экономической политике девизом физиократов служила знаменитая фраза Гурнэ, одного из основателей учения: “Laissez faire, laissez passer”.[1] Главою физиократов считается *Кенэ,* придворный доктор Людовика XV. Это был замечательно честный человек, всею душою отдавшийся своему учению и открыто проповедовавший его среди развращенного Версальского двора. Правда, учение это, хотя и состояло в самой тесной связи с освободительным движением XVIII века, не затрагивало прямо королевских прерогатив и потому было терпимо. Кенэ вдохновил целый ряд писателей, популяризировавших его идеи. Собственные же его произведения отличаются сухостью и отвлеченностью. Эпиграфом к одному из них служит, между прочим, другое знаменитое изречение в духе

физиократического учения: “Pauvres paysans – pauvre royaume; pauvre royaume – pauvre roi” (“Бедны крестьяне – бедно королевство; бедно королевство – беден король”). Практическим представителем учения и самым выдающимся человеком среди физиократов был замечательный и единственный в своем роде министр финансов Тюрго. Здесь не место рассказывать о благородной деятельности этого человека и о гибели его трудов на пользу Франции. Приказы его сопровождались обыкновенно замечательными разъяснениями. Изложение же общих принципов политической экономии, как ее понимали физиократы, в сжатой и привлекательной форме мы находим в особом его труде, вышедшем одновременно с “Исследованиями о богатстве народов” Смита.

“Физиократическое учение, – говорит Ингрэм, – не оказало почти никакого влияния на воззрения народа даже в своей родной стране… Однако добрые элементы его не пропали бесследно для человечества; они вошли как часть в более полное и здоровое творение Адама Смита”. Смиту не только было известно учение этой школы, но он был лично знаком с ее наиболее выдающимися представителями, о чем мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА II. АДАМ СМИТ КАК ЧЕЛОВЕК

Тихая жизнь. – Родители Смита. – Исчезновение мальчика. – Первоначальное образование. – Университет. – Публичные лекции. – Дружба с Юмом. – Профессура. – Лекторский талант Смита. – Сношения с Эдинбургом и обсуждение торговых вопросов. – Рассеянность. – Выход в свет "Теории нравственных чувств" и письмо Юма по этому поводу. – Прекращение профессорской деятельности. – Путешествие по Франции в качестве воспитателя герцога Бёклея. – Уединение. – Выход в свет "Исследований о природе и причинах богатства народов" и письмо Юма по этому поводу. – Значение Юма для Смита. – Событие, омрачающее эту дружбу. – Письмо Смита по поводу смерти Юма. – Известность Смита. – Посещение Лондона. – Смит – таможенный чиновник. – Избрание в ректоры университета г. Глазго. – Общая характеристика Смита. – Смерть Смита

Личная жизнь Смита протекла чрезвычайно тихо. Ему совсем не пришлось изведать житейских бурь и треволнений, даже простого внешнего движения в этой жизни было очень мало. Как дерево, оставаясь неподвижным, бесшумно проникает своими корнями в глубь земли, так этот мыслитель величаво спокойно проникал своею мыслью в глубь общественной жизни. Это, казалось, был не человек с обыкновенною плотью и кровью, а ходячая лаборатория, в которой неустанно перерабатывалась великим гением мысли масса сырого материала, доставляемого со всех полей обширного человеческого опыта. Конечно, именно *мысль* делала обыкновенно жизнь многих знаменитых людей бурной и шумной; мысль вызывала столкновение и борьбу, победы и поражения, торжество и гибель; мысль наполняла делами жизнь человеческую. Но мысль Адама Смита, вызвавшая громадное движение и великую борьбу, не окончившуюся и по сей день еще, не нарушила, по различным обстоятельствам, спокойного течения жизни самого мыслителя. Не эффектна эта жизнь и не по вкусу она любителям сильных ощущений; но для человека с неиспорченным вкусом она интересна по своей прозрачной чистоте и спокойной простоте.

Адам Смит родился в 1723 году в небольшом шотландском городке Корккольди. Город этот расположен у морского залива и во времена Смита отличался уже некоторым развитием промышленности и торговли. Пожалуй, это была самая подходящая колыбель для великого экономиста, так как в

большом шумном городе все явления экономической жизни слишком перепутаны и замаскированы другими, чтобы их можно было непосредственно наблюдать. Отец его умер за три месяца до появления на свет сына. Он занимал разные должности по службе и в последнее время был таможенным контролером. Мать Адама отличалась, по-видимому, незаурядными способностями и энергией. Она питала чрезмерную любовь к сыну, ту чрезмерную любовь, последствием которой нередко бывает нравственное уродство детей. Если это так, то ровный и спокойный характер Смита выработался не благодаря, а вопреки влиянию его матери. Как бы там ни было, но глубокая, взаимная привязанность между сыном и матерью продолжалась до самой смерти последней, а он пережил мать всего лишь на 9 лет. И это была не платоническая привязанность, поддерживаемая часто отдаленностью расстояний и тому подобными условиями. Они жили постоянно вместе, и Смит, остававшийся все время холостым, считал дом своей матери своим собственным домом. Как протекло его детство, мы не знаем. Об обыденном биографы обыкновенно не любят рассказывать; что же касается необыденного, то они рассказывают об одном только эпизоде, а именно: как странствующие медники украли трехлетнего мальчика и как догадливый дед быстро смекнул, куда девался ребенок, послал по свежим следам погоню и ребенок был благополучно возвращен домой. Первоначальное образование Адам получил в корккольдской школе, пользовавшейся в те времена прекрасной репутацией. Уже там обнаружились у него наклонность к чтению и необыкновенная память; вместе с тем он отличался рассеянностью, которая ничего не видит и ничего не слышит, что происходило, вероятно, от увлечения своими собственными мыслями. Временами он просто забывался и разговаривал сам с собою; привычка эта сохранилась у него на всю жизнь и немало удивляла впоследствии собеседников. Слабый физически и кроткий, он держался в стороне от шумных игр своих сверстников; тем не менее товарищи его любили.

Четырнадцати лет Смит поступил в университет Глазго, где ревностно принялся за изучение математики и натуральной философии. Способности его были замечены профессорами, и он получил стипендию, учрежденную одним глазгосским купцом при Бальольской коллегии Оксфордского университета. Обычное образование небогатых шотландских юношей ограничивалось Эдинбургским или Глазгосским университетом. Не многим из них удавалось попасть в Оксфорд. Смит был одним из этих немногих счастливцев. Что же он вынес из Оксфорда? Что представлял тогда этот знаменитый центр просвещения в Англии? В былые

времена под сенью его росли и крепли такие умы, как Виклиф, Эразм, Томас Мор. Но в бурную эпоху гражданского междоусобия и наступившей затем реставрации он утерял свое свободолюбие. Презренный ханжа и святоша Лоод завел там новые порядки. Оксфорд сделался очагом якобистского движения. Поощряемые наставниками, юноши устраивали уличные демонстрации в пользу короля Якова. Когда Смит оставлял университет, в Оксфорде вспыхнул бунт, и участниками его оказались, среди прочих, члены Бальольской коллегии. Рука об руку с этими регрессивными стремлениями росли общее отупение и невежество в университетской среде. Профессорские места были своего рода синекурой. Профессора нисколько не заботились об исполнении своих обязанностей. Что это были за профессора и что это были за лекции, можно судить по критике университетского образования в “Исследованиях о богатстве народов”. “Для человека, одаренного здравым умом, – говорит Смит, – должно быть делом тягостным сознавать, что лекции, которые он читает студентам, суть чистый вздор или нечто, весьма близко к нему подходящее. Должно быть, также крайне неприятно видеть, что большая часть слушателей не посещает лекции или слушает их с несомненным выражением неодобрения, насмешки или пренебрежения”. Чтобы выйти из такого затруднения, профессор имеет под руками несколько средств. “Вместо того чтоб самому объяснять преподаваемую своим слушателям науку, он может читать ее по книге, а если эта книга написана на мертвом или иностранном языке, то переводить и толковать ее или, для чего потребуется еще меньше труда, заставлять самих слушателей переводить ее, и, делая на нее время от времени некоторые замечания, он может вообразить, что читает им настоящие лекции. При самых ничтожных познаниях и при самом незначительном труде он может исполнять свою задачу, не вызывая насмешек слушателей и не прибегая к необходимости говорить перед ними вздор и нелепости. В то же самое время строгость, заведенная в училище, дает ему средство принудить слушателей посещать самым аккуратным образом эти так называемые лекции, а в продолжение чтения их держать себя самым приличным и почтительным образом”. Таково было преподавание в знаменитом Оксфордском университете во времена Смита. По стопам учителей, как это обыкновенно бывает, шли ученики. Студенчество отличалось не только невежеством, но грубостью и развращенностью. Да оно и понятно: для всех, как учащих, так и учащихся, отказывающихся от принципов человеческой свободы, остается открытой одна только дорога, приводящая рано или поздно к животному состоянию. Как Смит

уберег свою душу и свой ум от растлевающего влияния такого преподавания и таких университетских распорядков, мы не знаем. Но он оставил Оксфордский университет после семилетнего пребывания в нем с довольно ясным, уже установившимся миросозерцанием. Наперекор стараниям своей alma mater он вышел из нее врагом всяких суеверий и убежденным сторонником свободных исследований и свободной деятельности. Его отправляли в Бальольскую коллегию, надеясь сделать из него доброго служителя англиканской церкви. Но, увы, ханжество Оксфордских наставников оттолкнуло юношу от такой карьеры, а чтение вышедшего незадолго перед тем *"Трактата"* Юма о человеческой природе открыло перед ним иные, более широкие перспективы. Он занялся изучением древней и новой литературы и с окончанием курса решился попытать свое счастье на литературном и научном поприще. Заметим здесь, что верный себе Оксфордский университет не удостоил своего славного питомца ученой степенью, да и сам питомец никогда не вспоминал с любовью о времени, проведенном в стенах этого университета.

По окончании курса Адам Смит возвратился к своей матери в Корккольди и прожил с нею около двух лет. В 1748 году он отправился в Эдинбург и здесь, пользуясь покровительством одного знатного лорда, открыл публичные лекции по риторике и литературе. В те времена писательство как профессия было делом чрезвычайно трудным и редким даже в Англии. Легче было устроить при содействии людей, имеющих вес в обществе, публичные чтения, чем найти издателя. Лекции Смита имели успех. Он завязал полезные знакомства и близко сошелся с Юмом, что имело для него чрезвычайно важные последствия. Это знакомство превратилось с течением времени в тесную дружбу – дружбу, имеющую общественное значение, так как она была союзом двух могущественных умов Англии XVIII века. Любопытно, что в данном случае влеклись друг к другу вовсе не разнородные, дополняющие друг друга умы, как это бывает нередко; напротив, между Смитом и Юмом была масса общего. Оба они отличаются необыкновенной силой анализа и сравнительно слабым воображением; оба одинаково бесстрашны в своей разрушительной работе и в своих выводах; оба преследуют одни и те же цели и преследуют их одними и теми же путями, а нередко и в одной и той же сфере; и оба, как в своей личной жизни, так и в вопросах непосредственной политической жизни, оказываются людьми весьма скромными и умеренными.

В 1751 году Смит был приглашен Глазгосским университетом на кафедру логики, а четыре года спустя он занял там же кафедру

нравственной философии, которую удерживал за собой в течение 13 лет. Молодой профессор внес большое оживление в преподавание своего предмета. Нужно заметить, что уже Хётчесон, знаменитый предшественник Смита по кафедре нравственной философии в Глазгосском университете и его учитель, отрешился от узких средневековых взглядов на нравственность. В противоположность прежнему учению, будто бы разум слаб и бессилен разрешить нравственные вопросы, Хётчесон доказывал, что разум в состоянии совладать с такой задачею, лишь бы только ему была предоставлена свобода, и переносил нравственные вопросы на психологическую почву. Но он все-таки исходил из метафизических принципов и его учение отличалось абстрактностью, тогда как Смит сразу же придал своим лекциям в высшей степени конкретный характер. Курс его распадался на четыре отдела: первый составляла естественная теология, второй – этика, третий – общие принципы юриспруденции и четвертый – сущность политических учреждений. Лекции по этике были переработаны в сочинение *“Теория нравственных чувств”,* а из чтений о политических учреждениях выросло много лет спустя, когда Смит не был уже профессором, его капитальное и общеизвестное произведение *“Исследования о богатстве народов”.* Как о лекторе один из современников дает о нем довольно восторженный отзыв. Читая лекции, говорит он, Смит почти всецело полагался на свою способность к импровизированной речи. Его манера говорить не отличалась особенной изящностью, но он всегда говорил ясно и непринужденно и всегда, по-видимому, относился с интересом к своему предмету, почему вызывал интерес и у слушателей. Каждая лекция состояла обыкновенно из нескольких определенно поставленных положений, которые он старался доказать и пояснить примерами. Нередко эти положения, высказанные в общих терминах, производили сначала впечатление парадоксов, и сам профессор обнаруживал как бы некоторое смущение; казалось, будто бы он не вполне владеет предметом. Но по мере того, как он подвигался вперед, он воодушевлялся, и его речь текла свободно. Благодаря многочисленности и разнообразию приводимых им примеров обсуждаемый вопрос разрастался все больше и больше и принимал, наконец, такие размеры, что овладевал вниманием всей аудитории, и профессору незачем было прибегать к утомительным повторениям одних и тех же положений. Для аудитории было и приятно, и полезно следить за всевозможными видоизменениями основного вопроса и затем возвращаться обратно назад к исходному пункту. Репутация Смита как профессора стояла поэтому весьма высоко, и он

привлекал массу слушателей из отдаленнейших местностей. Преподаваемые им предметы стали модными в Глазго, и его мнения составляли главный предмет разговоров в клубах и литературных кружках. И даже мелочные особенности его произношения и манера говорить делались нередко предметом подражания. Из другого же отзыва мы узнаем, что голос у Смита был неровный и произношение неясное, доходившее иногда до бормотания, что вообще он не отличался разговорными талантами и как собеседник значительно уступал Юму. Как бы там ни было, Смит в качестве профессора пользовался, несомненно, значительной репутацией.

Читая лекции в Глазго, Смит поддерживал самые тесные контакты с Эдинбургом, где находился его друг Юм. Он состоял членом одного известного эдинбургского клуба, образованного с целями протеста и агитации против нежелания правительства, опасавшегося якобистского заговора, ввести в Шотландию народное ополчение. Клуб этот закрылся после того, как правительство обложило высокой пошлиной любимый напиток членов его, кларет, а вместо него было организовано новое общество под названием “Избранные”. В нем участвовали литературные знаменитости тогдашнего Эдинбурга. Замечательно, что на втором уже собрании был поставлен на обсуждение вопрос о пользе запретительных мер относительно вывоза хлеба и что дебаты по этому вопросу были открыты Смитом. Уже тогда (1754 год) Смита, как и Юма, интересовала меркантильная система, и они изучали ее не только в тиши своих кабинетов, но и в сутолоке самой жизни. В детстве, как мы заметили, Смит отличался внешней рассеянностью и забывчивостью; с возрастом недостатки эти усиливались. Вот наш профессор среди большого общества, но он никого не замечает и сидит в одиночестве. Губы его шевелятся, он улыбается и наконец начинает разговаривать сам с собою. Вы подходите к нему, обращаете его внимание на предмет общего разговора. Профессор как бы пробуждается от своего забытья и начинает тотчас же говорить; говорит он много, говорит до тех пор, пока не выложит перед вами всего, что знает по данному вопросу, и притом с замечательным искусством. Несмотря на то, что он почти совсем не знал людей, достаточно было самого ничтожного повода, чтобы он начал описывать и характеризовать их. Если же вы обнаруживали сомнение и прерывали его, он с величайшей легкостью отказывался от своих слов и начинал говорить прямо противоположное. Как велика была его забывчивость, показывает, между прочим, следующий случай. Однажды он был приглашен на обед, устроенный в честь известного государственного

деятеля, проезжавшего через город. За обедом или после обеда Смит по обыкновению погрузился в свою задумчивость и вдруг начал громко и несдержанно обсуждать достоинства, а больше недостатки находившейся тут же знаменитости. Ему напомнили обстоятельства, среди которых он находится. Философ сильно сконфузился, но тотчас же, как бы впадая снова в забывчивость, он пробормотал самому себе и окружавшим его: “Черт возьми, черт возьми, ведь все это верно!” В большом обществе, на службе, на улице – он всюду был одинаков. Заложив руки за спину и закинув голову, он прогуливался по улицам, погруженный в свои размышления; ничего нет странного, что эдинбургские торговки могли принимать его за сумасшедшего. Подписывая какую-то деловую бумагу, он вместо того чтобы расписаться скопировал подпись лица, расписавшегося раньше него. Таких курьезов, вероятно, немало было с ним, так как его голова вечно была занята вопросами, не имевшими никакого непосредственного отношения к окружающей действительности.

В 1759 году Смит напечатал свою *“Теорию нравственных чувств”,* и с этого времени нравственные вопросы отступили для него на второй план, а экономические, напротив, все больше и больше занимали его. Хотя “Теория нравственных чувств” намного слабее “Исследований о богатстве народов”, однако сочинение это было тотчас же замечено и на первых порах читалось усиленно, так что многие колебались даже, которому из них следует отдать предпочтение. По выходе книги Юм написал своему другу милое письмо, из которого приводим отрывки. “…Я все откладывал писать, пока не в состоянии буду сообщить Вам что-нибудь об успехе Вашей книги и предсказать с некоторой вероятностью, постигнет ли ее в конце концов вечное забвение или, напротив, она попадет в храм бессмертия. Хотя прошло всего только несколько недель со времени выхода ее, однако, я думаю, успели уже обнаружиться довольно серьезные симптомы, по которым я могу дерзнуть предсказать ее судьбу”. Здесь Юма якобы прерывают разные посетители, и он толкует о вещах совершенно посторонних. “Но какое отношение, – продолжает он, – имеет все это к моей книге, скажете Вы? Мой дорогой Смит, имейте терпение, успокойтесь, покажите, что Вы такой же философ на деле, как и в теории; не забывайте о пустоте, несообразности и легкомысленности обычных людских суждений, в особенности в философских вопросах, превосходящих понимание толпы. Истинный судья всякого мудрого человека есть его собственная совесть, и если он обращается когда-либо к мнению других людей, то только к мнению немногих избранных, свободных от предрассудков и способных оценить его работу.

Действительно, самым верным признаком ошибочности известного суждения может служить одобрение толпы, и Фокион, Вы знаете, всегда подозревал себя в какой-нибудь несообразности, когда толпа встречала его слова рукоплесканиями… Теперь, в надежде, что Вы укрепили себя надлежащим образом всеми этими рассуждениями и готовы спокойно выслушать какое угодно мнение о своей книге, я должен сообщить Вам печальную новость: Ваша книга оказалась весьма несчастной, ибо публика склонна восхвалять ее до чрезмерности. Ее с нетерпением ожидали глупцы, а литературная чернь начинает уже превозносить ее весьма громко своими похвалами. Три епископа заходили вчера в лавку Миллера, чтобы купить ее, и осведомлялись об авторе. Епископ Питерборо рассказывал, что в компании, с которой он провел вечер, эту книгу превозносили выше всех других. Герцог Аргильский высказывается в пользу ее решительнее, чем он имеет обыкновение делать это… Лорд Литтельтон говорит, что Робертсон, Смит и Бауер составляют славу английской литературы… Карл Тоунсенд, считающийся первым умницей в Англии, так восхищен Вашей книгой, что, по словам Освальда, желал бы поручить автору ее воспитание герцога Бёклея и готов предложить ему такие условия, какие тот пожелает…”

Таков был успех первого капитального произведения Смита. Сообщая о намерении Тоунсенда, Юм не рассчитывал, чтобы из этого могло выйти что-либо. Нужно было предложить особенно выгодные условия, чтобы профессор, и притом профессор, пользующийся прекрасной репутацией, предпочел положение частного учителя. Поэтому Юм хотел устроить дело иначе; он хотел посоветовать отправить молодого герцога в Глазго, но упустил случай сделать это. Однако года четыре спустя Тоунсенд действительно обратился к Смиту и предложил настолько выгодные условия, что профессор согласился оставить кафедру и отправиться с молодым герцогом в заграничное путешествие. Глазгосский университет не представлял из себя укрепленной цитадели средневековых воззрений, и поэтому он не только терпел таких профессоров, как Смит, но и сожалел об уходе их. Сделав постановление об открывшейся вакантной кафедре, университет, как записано в его протоколах, “не мог удержаться от выражения искреннего сожаления по поводу ухода доктора Смита, известная честность которого и прекрасные душевные качества завоевали ему любовь и уважение со стороны его товарищей по профессии, необычайный гений которого, великие способности и громадная начитанность делали такую честь всему университету. Его изящная и остроумная “Теория нравственных

чувств” доставили ему известность и почет в глазах писателей и понимающих людей повсюду в Европе. Его счастливый талант пояснять отвлеченные вопросы конкретными примерами и никогда не изменявшая ему настойчивость в сообщении полезных знаний отличали его как профессора и вместе с тем доставляли великое наслаждение и громадную пользу в образовательном отношении его молодым слушателям”. Подобную аттестацию профессора, несвободные от завистливых чувств, как и все простые смертные, нечасто выдают своему коллеге. Не забудьте, что это – не надгробная эпитафия, в которой можно свободно расточать хвалу, так как никто не опасается соперничества со стороны мертвеца, а протокол по поводу ухода человека, полного еще жизненных сил и полного надежд на будущее. Честь и слава университетам, умеющим ценить своих выдающихся людей; их ведь немного бывает и среди профессоров!..

Так закончилась профессорская карьера Смита. В 1763 году он отправился с молодым Бёклеем за границу, а по возвращении занялся делом более важным, чем чтение лекций студентам. Казалось бы, какой расчет был известному профессору превращаться в неизвестного воспитателя английского аристократа? Руководился ли он денежным расчетом, я не знаю. Но, по соображению всех последующих обстоятельств, нельзя не признать, что сама судьба не могла бы придумать свое великое произведение, и в интересах этого произведения ему необходимо было познакомиться поближе именно с Францией. Во-первых, Франция представляла тогда, по выражению Беджгота, “музей экономических ошибок”, – а задумываемая Смитом книга и должна была разоблачить такие ошибки, сделать дальнейшее их существование невозможным. Понятно, что изучать экономические уродства на месте, в “музее”, было куда полезнее, чем созерцать их издали. Положим, и на родине было их немало, но, во всяком случае, Англия все-таки не представляла “музея” в этом отношении. А во-вторых, что еще, пожалуй, важнее, во Франции существовала уже в то время целая школа, строившая свое экономическое учение на совершенно новых началах. Личное знакомство с представителями этой школы имело для Смита громадное значение. Не познакомься он обстоятельно с учением о земле как главной производительной силе, мы не имели бы, вероятно, и учения о труде как сущности всякой меновой ценности, как начале, на котором зиждется материальное богатство народов.

Едва ли Смит годился для роли воспитателя; но вместе с тем едва ли к нему и предъявлялись какие-либо особенные требования. Его пригласили больше из тщеславия. Однако герцог

Бёклей писал впоследствии, что три года, прожитые за границей под руководством Смита, были для него очень полезны и что между ним и наставником не возникло за все время никаких недоразумений и разногласий. Сначала жизнь в Париже пришлась не совсем по вкусу Смиту. “Герцог, – писал он Юму, – не имеет ни одного знакомого между французами. Я же не могу познакомиться поближе с теми немногими, с кем уже знаком, так как не могу пригласить их к себе и сам не всегда располагаю свободой, чтобы пойти к ним. Жизнь, какую я вел в Глазго по сравнению с тем, как я живу здесь, была приятным времяпровождением. Чтоб убить время, я начал писать книгу”. Но первая остановка в Париже была непродолжительна. Скоро наши путешественники отправились в Тулузу; прожив там восемнадцать месяцев, они проехались по южной Франции, побывали в Женеве и возвратились назад в Париж. На этот раз жизнь в Париже сложилась, очевидно, лучше. Смит познакомился ближе с Тюрго, Кенэ, Неккером, Д'Аламбером, Гельвецием, аббатом Морелле – одним словом, с лучшими представителями тогдашнего французского общества. “Я познакомился со Смитом, – говорит аббат Морелле в своих мемуарах, – во время его путешествия по Франции в 1762 году. Он очень дурно говорил по-французски, но по его “Теории нравственных чувств” я составил высокое мнение о его глубоком и проницательном уме. В самом деле, до настоящего времени я смотрю на него как на одного из людей, наблюдения и исследования которых можно считать самыми совершенными по всем вопросам, какими только они занимались. Тюрго, любивший не менее меня философию, высоко ценит его талант. Мы видели его несколько раз. Он был представлен Гельвецию. Мы беседовали о теории торговли, банка, общественного кредита и о многих других предметах задуманного им великого сочинения”. Общение с этими людьми помогло Смиту уяснить себе многое в тех вопросах, которыми он интересовался тогда. Кенэ как глава экономистов-физиократов и как личность в высшей степени симпатичная произвел на него особенно сильное впечатление. Он намеревался посвятить ему свои “Исследования о богатстве народов”, и только смерть замечательного француза помешала ему сделать это.

После шумного Парижа Смит удалился в свой родной Корккольди и здесь прожил в уединении целых десять лет. Он собрал массу материала. Нужно было его обработать. Конечно, у него были уже руководящие мысли. И теперь он не сидел и не выдумывал их в своем уединении. Но ведь и не какой-нибудь легковесный трактат писал он теперь. Он готовил труд, которому предстояло опрокинуть господствовавшие системы,

принимавшиеся в течение целых веков за неопровержимую истину; опрокинуть барьеры, разделявшие народы в их промышленной и торговой деятельности, опрокинуть вековые привилегии и водрузить на обширном поле экономической деятельности знамя труда. Задача для одного человека громадная, непосильная. Нет ничего удивительного, что она истощила силы скромного шотландского философа и что, исполнив блистательно ее, он “опочил от всех дел”. Итак, словно отшельник, укрылся он от соблазнов шумной общественной жизни в своем Корккольди. Даже друг его Юм не знал хорошо, что он там делает. В 1769 году, находясь неподалеку, он приглашал его повидаться и между прочим писал: “Я хочу знать, что Вы сделали за это время, и намерен потребовать серьезного и точного отчета в том, как Вы распорядились временем в этом своем уединении. Я положительно уверен, что Вы наделали много ошибок в своих рассуждениях, в особенности в тех случаях, когда имели несчастие не соглашаться со мною!” В 1772 году Юм снова нападал на Смита за упорное уединение: “Я не принимаю в оправдание Ваших заявлений о расстроенном здоровье и смотрю на них лишь как на отговорку, подсказанную леностью и страстью к уединению. В самом деле, мой любезный Смит, если Вы будете поддаваться недомоганиям подобного рода, то Вы кончите тем, что порвете совсем всякие связи с человеческим обществом, к великому вреду обеих сторон”. Даже Юму не было хорошо известно, что Смит, отказавшись от человеческого общества, упорно работает как раз над тем, что должно было связать его неразрывными узами со всем человечеством. В Корккольди, среди родных, ему жилось легко и спокойно. Близость Эдинбурга и удобства сообщения по морю давали ему возможность поддерживать связи с людьми, но вместе с тем он был избавлен от назойливых и непрошеных посещений, да и в самом Корккольди был небольшой кружок знакомых, в обществе которых он временами отдыхал от своей работы. Работал Смит медленно, с трудом, исправляя и переделывая написанное. Обыкновенно он диктовал секретарю, расхаживая по комнате взад и вперед. Наконец в 1776 году появился плод этих усиленных занятий – *“Исследования о природе и причинах богатства народов”* в двух больших томах.

Тот же Юм, не оставлявший в покое своего друга, приветствовал теперь его таким письмом: “Euge! Belle! Любезный мой Смит, я очень доволен Вашим трудом. Читая его, я освободился от тягостного беспокойства. На сочинение это возлагалась такая большая надежда и Вами самими, и Вашими друзьями, и публикой, что я трепетал при его появлении и теперь

чувствую большое облегчение. Если я и сомневаюсь еще, чтобы оно сразу же стало самой популярной книгой, то только потому, что чтение ее обязательно требует большого внимания, а публика так мало склонна уделять его чему бы то ни было. Но книга Ваша отличается глубиной, основательностью, проницательностью, и в ней рассыпана такая масса примеров и любопытных фактов, что она должна, в конце концов, привлечь всеобщее внимание. Вы, вероятно, много исправили в ней во время Вашего последнего пребывания в Лондоне. Если бы Вы были теперь со мной, я поспорил бы с Вами относительно некоторых Ваших принципов. Я не могу согласиться, что поземельная рента входит составной частью в цену продуктов, и полагаю, что цена эта определяется исключительно количеством и спросом". Далее Юм указывает еще на некоторые, по его мнению, погрешности и говорит, что обо всем этом, как и о сотне других вопросов, удобнее всего было бы побеседовать лично, что здоровье его быстро разрушается и он надеется, что Смит не откажется повидаться с ним. С первого пробуждения сознательной критической мысли, когда юноша Смит зачитывался "Трактатом о человеческой природе", и до полного расцвета его гения, выразившегося в "Исследованиях о богатстве народов", Юм, великий скептик XVIII века, поддерживает его и любовно следит за ним, как мать за своим сыном. Поддерживает и следит; нет, мало того. Вначале он наставляет и открывает перед своим юным другом целый новый мир мысли, а потом обсуждает и выясняет с ним вопросы, составившие предмет книги, ознаменовавшей собою наступление новых распорядков в экономической жизни народов. О Смите мы можем мыслить только в связи с Юмом; иначе его трудно себе представить. Тогда как обратного сказать нельзя. Теперь Смит достигал апогея своей известности, а Юм оканчивал свое земное поприще, – он умирал. Мы не погрешим против биографии Смита, если остановимся подольше на этом моменте; тем более, что тут возникает одно обстоятельство, имеющее большое значение и для характеристики самого Смита.

Смита, как мы знаем, готовили к духовному званию, но он отказался от мысли быть священником и пошел по другому пути. Каково было его дальнейшее отношение к англиканской церкви, не совсем ясно, да это и не представляет особенной важности, так как общий склад его воззрений сам собою обрисовывается из его произведений. Но бывают обстоятельства, когда человек должен поступить определенно и решительно, не стесняясь тем, что он может задеть кого-нибудь или что-нибудь и повредить своим интересам или репутации. В особенности такие поступки бывают нравственно обязательны в делах дружбы. Умирающий человек

просит своего друга исполнить его предсмертную волю, а этот друг отказывается. Как отнестись к такому поступку? Нечто подобное именно и случилось со Смитом. Он испугался английских епископов и суеверий англиканской церкви и омрачил свою дружбу с великим человеком непозволительным поступком. Юм, умирая, хотел завещать Смиту издание своих известных “Диалогов”, которые он издал бы сам, как он писал в письме, если бы мог рассчитывать прожить еще несколько лет. Смит очевидно был недоволен таким поручением и требовал от Юма, чтобы тот предоставил на его усмотрение – издать или вовсе не издавать этой книги. Он намеревался сохранить рукопись “самым тщательным образом”, но не издавать ее, а перед своей смертью возвратить родственникам Юма. Конечно, это было не в интересах последнего, и он освободил Смита от столь тяжелого для него поручения. А между тем едва ли можно сомневаться, что Смит разделял взгляды, изложенные в упомянутых “Диалогах”. У человека хватило силы перевернуть экономическую политику европейских государств и не хватило храбрости пойти навстречу английскому “cant'y”, этому типичному образцу ханжества и святошества! “Диалоги” были изданы в 1779 году, то есть задолго еще до смерти Смита, и едва ли нужно прибавлять, что они нисколько не повредили интересам Юма; мы говорим, само собою понятно, не о материальных или каких-либо иных житейских интересах, не существовавших уже для великого мыслителя, а именно о тех непреходящих интересах истины, которые воодушевляют всякого мыслителя.

Как бы желая загладить свой проступок, Смит оставил замечательное описание последних дней жизни своего друга, который умирал спокойно, невозмутимо, как может только умирать человек с просветленной мыслью и чистой совестью. “Сила духа и твердость Юма, – пишет он, – были так велики, что самые близкие друзья его нисколько не стеснялись говорить с ним и писать к нему как к умирающему человеку, и он не только не огорчался этим, но напротив, подобное обращение скорее ласкало его чувство и доставляло ему удовольствие… Он говорил, что чувствовал себя вполне удовлетворенным и что, прочитывая в последние дни Лукиановы “Диалоги мертвых”, он не мог подыскать для себя ни одного извиняющего обстоятельства, с которым он мог бы обратиться к Харону и попросить его не торопиться с переправой. У него нет дома, который нужно было бы достроить, нет дочери, о которой ему нужно было бы еще позаботиться, у него нет врагов, которым он хотел бы отомстить за свои обиды. “Я не мог себе представить, – сказал он, – какое бы обстоятельство я мог привести Харону в

оправдание своей просьбы дать мне маленькую отсрочку. Я сделал все важное, что только намеревался сделать когда-либо, и я никогда не мог рассчитывать оставить своих родственников и друзей в положении лучшем, чем я оставляю их теперь. Следовательно, у меня есть все основания умереть довольным". Потом он стал придумывать разные забавные оправдания, какие он мог бы привести Харону, и разные ответы на них со стороны последнего. "По дальнейшем размышлении, – сказал он, – я подумал, что мог бы сказать ему: "Добрый Харон, я занят исправлением своих трудов для нового издания; повремени же немного, чтобы я мог посмотреть, как публика отнесется к ним". Но Харон ответил бы: "Когда ты увидишь это, то захочешь сделать новые исправления. И таким просьбам не будет конца; входи-ка, почтенный друг, в ладью". Но я все-таки продолжал бы настаивать: "Потерпи немного, добрый Харон! Я старался открыть глаза людям. Если я проживу еще несколько лет, может быть, я увижу падение некоторых из господствующих систем суеверия и таким образом буду удовлетворен за свои труды". Но Харон, потеряв всякое терпение и снисхождение, закричал бы: "Ах ты, праздношатающийся плут! Этого не случится в продолжение многих сотен лет. Не воображаешь ли ты, что я тебе дам отсрочку на столь продолжительное время? Входи сию же минуту в ладью, лентяй, праздношатающийся плут!" Через 18 дней после этой беседы роковая болезнь сделала свое дело: Юма не стало. До последней минуты он не изменил себе и умер, как подобает умереть отважному честному человеку. "Так умер, – говорит Смит, – наш самый лучший, навеки незабвенный друг, относительно философских мнений которого люди несомненно будут разно судить – одни одобрять, другие порицать их, смотря по тому, окажутся ли они согласными или несогласными с их собственными мнениями; но относительно личности и поведения которого едва ли может быть разногласие в мнениях".

Со смертью Юма положение Смита значительно изменилось. С одной стороны, не стало его ближайшего друга; не стало человека, по дружбе с которым Смит до сих пор был, главным образом, известен. С другой стороны, он сам становился теперь великой известностью. Правда, труд его был замечен сначала только людьми избранными; те же, против кого он был направлен, не обратили внимания на рассуждения какого-то шотландского мыслителя, ex-профессора. Поэтому он и не вызвал резких, свирепых нападок, как это случилось позже, уже после смерти Смита. Но зато избранные сразу оценили книгу и признали в ее авторе великого мыслителя. Вскоре после выхода ее Смит был приглашен на званый обед, на котором

присутствовали Питт, Гренвилль, Аддигтон и другие. Питт воскликнул: “Мы будем стоять, пока Вы не сядете, так как все мы – Ваши ученики!” Понятно, что даже необычайно скромному Смиту захотелось теперь побывать в Лондоне и прислушаться, что говорили о нем в столице. Он располагал хотя скромным, но постоянным доходом в 300 фунтов (3000 рублей), назначенных ему в виде пенсии опекунами его воспитанника герцога Бёклея. Суммы этой при его аккуратной жизни было вполне достаточно, и потому он, не стесняясь денежными соображениями, мог удовлетворить свое любопытство. В Лондоне он познакомился с выдающимися людьми того времени, хотя, по-видимому, далеко не со всеми у него установились приязненные отношения. Так, он не ладил с Джонсоном, царившим в те времена в некоторых лондонских салонах; по рассказам, между ними произошло даже довольно грубое столкновение. Этого можно было бы ожидать, так как Джонсон представлял прямую противоположность Юму и, следовательно, должен был казаться антипатичным и его ближайшему другу Смиту. В Лондоне Смит прожил два года. И что же он вывез оттуда в конце концов? Назначение на службу по таможенному ведомству!.. Герцог Бёклей выхлопотал ему место таможенного чиновника в Эдинбурге. Смиту было в это время 55 лет – возраст, в котором многие ученые еще бодро работают. Каким же это образом люди не нашли работы, более подходящей для только что взошедшего экономического светила? Через несколько десятков лет по мысли Смита будут решаться важнейшие государственные вопросы; он мертвый будет руководить из могилы политикой, и притом не одной Великобритании; а теперь, живой, он должен прочитывать исходящие и входящие бумаги, подписывать их, исполнять скучнейшие и довольно-таки бессмысленные обязанности таможенного чиновника в провинциальном городе! Незавидная участь! Однако Смит принял это назначение без ропота и неудовольствия. Мало того, он действительно становится чиновником, хотя и не особенно старательным. С назначением в Эдинбург он совсем перестал работать над теми вопросами, которые его занимали до тех пор. Он ничего не написал и ничего нового не напечатал, ограничиваясь просмотром своих прежних трудов для новых изданий. Между тем, он далеко еще не выполнил намеченной им некогда грандиозной схемы. Казалось бы, успех, выпавший на долю “Теории нравственных чувств” и “Исследований о богатстве народов”, должен был бы побуждать продолжать работу дальше и дальше. Но, очевидно, умственные силы его истощились, и он не чувствовал себя в состоянии выполнить колоссальный план предположенной работы. К тому

же не стало лучшего друга, который принимал неизменное участие во всех его работах. Вообще, это совпадение – смерть Юма и прекращение дальнейшей ученой и писательской деятельности Смита – факт значительный и любопытный.

В Эдинбурге Смит вел открытую общественную жизнь, любил принимать у себя друзей и часто бывал в обществе. Сам он никогда не отличался говорливостью, но, вызванный на разговор, разражался обыкновенно целым потоком слов и благодаря своему обширному чтению и прекрасной памяти мог обсуждать любой предмет с каких угодно сторон. Полемики он вообще избегал, да и поводов к ней при жизни его не было. Однажды только на него напал один из представителей англиканской ортодоксии за письмо по поводу смерти Юма; Смит отвечал молчанием.

В 1784 году умерла его мать, а в 1788 году – кузина, жившая вместе с ним в Эдинбурге. Потеря матери, с которой он прожил нераздельно целых шестьдесят лет, была для него очень чувствительна. Он остался в одиночестве, особенно тяжелом для старого человека. Здоровье его стало разрушаться. В 1787 году Глазгосский университет избрал его своим почетным ректором. Смит был очень обрадован таким вниманием. “Никакое повышение в чинах, – писал он, – не могло бы доставить мне такого полного и действительного удовлетворения. Нет человека, который был бы обязан какому-нибудь учреждению больше, чем я – Глазгосскому университету. Он воспитал меня. Он послал меня в Оксфорд. Вскоре по возвращении моему в Шотландию он избрал меня в число своих членов, а затем предоставил мне кафедру, которая благодаря способностям и добродетели Хётчесона пользовалась большой известностью. Эти тридцать лет своей профессорской деятельности я вспоминаю как самые полезные и, следовательно, самые счастливые и самые достопочтенные годы в своей жизни. И теперь мысль о том, что мои старые друзья и покровители вспомнили обо мне столь лестным образом после моего двадцатитрехлетнего отсутствия, доставляет мне сердечную радость, выразить которую спокойно я не могу Вам”. Бесцветно протекали все эти годы жизни Смита, хотя он и не дожил еще до того, что называется собственно старческим возрастом. Известная сухость, отсутствие того глубокого животворящего чувства, которое, подобно роднику, просачивающемуся через сумрачную каменную глыбу, порождает жизнь и движение повсюду, куда только проникает он, заметны не только в холодных произведениях, но и в самом характере Смита. Простой, снисходительный, любезный человек, – трудно даже сказать, испытывал ли он когда-либо любовь или гнев. Изведал ли он силу страстей? Познал ли он муки, которыми

сопровождается нарождение всего нового? Едва ли и едва ли. Это был, несомненно, уравновешенный человек. Но как он достигал и поддерживал это свое равновесие? Мы видели, что он уклонился от представившегося ему случая, единственный, кажется, раз, вступить в полемику, хотя его прямо вызывали на то и хотя поднятый вопрос стоил того. Мы видели также, что он отказался исполнить просьбу друга своего, потому что побоялся затронуть страсти человеческие, которые он всячески старался обходить. А между тем, дело шло, несомненно, и о его собственных убеждениях. Кто знает, не побоялся ли бы он, ради сохранения своего спокойствия и уравновешенности, опубликовать и "Исследования о богатстве народов", если бы опасался, что они тотчас же вызовут великую распрю и доставят ему не славу, а бедствия, неприятности, вражду? Да, в личности Смита мало геройского, возвышенного. Но он обладал необычайной силой анализа, и потому в той сфере, куда, по счастью, направилась его мысль, он мог совершить поистине великое дело. Едва ли мы погрешим против истины, если скажем, что свою характеристику благоразумного человека в "Теории нравственных чувств" Смит составил по себе самому. "Благоразумие не допускает нас, – говорит он, – рисковать нашим здоровьем, нашим благосостоянием, нашим влиянием, нашим добрым именем… Оно больше заботится о сохранении уже приобретенных выгод, чем о приобретении еще больших… Благоразумный человек не должен стараться обмануть в своих достоинствах ни лицемерием, ни наглым напыщенным педантством, ни нахальным, бесстыдным шарлатанством. Он не должен тщеславиться даже своими действительными дарованиями. Речь его должна отличаться скромностью и безыскусственностью… Он опирается на действительные заслуги и пренебрегает средством для снискания расположения литературных кружков, выдающих себя за непогрешимых судей в искусствах и науках, – кружков, раздающих известность дарованиям и достоинствам и готовых ославить всякого, кто осмелится не признать их приговора… Благоразумный человек всегда искренен… но он не всегда бывает откровенен и прямодушен; хотя он говорит только одну правду, но не считает необходимым открывать ее, если его не побуждают к тому его обязанности… Благоразумному человеку незнакома горячая, страстная, но почти всегда непостоянная дружба… Его дружба состоит в постоянной и неизменной привязанности к небольшому числу испытанных и избранных людей, в привязанности, основанной не на легкомысленном поклонении блестящим и ослепляющим качествам, а на благоразумном уважении скромных добродетелей… Благоразумный человек не

любит шумного общества; оно возмутило бы правильное течение его жизни и его занятий и нарушило бы жизненную простоту и умеренность его жизни… Благоразумный человек относится с осторожным уважением ко всем принятым обычаям… Он не согласится пристать ни к одной из враждующих сторон, он ненавидит партии. Он боится беспокойства и ответственности, связанных с ведением общественных дел". Таким именно благоразумным человеком был Смит в своей личной и общественной жизни.

Смит умер в 1790 году, 67-ми лет, проболев довольно значительное время от завала кишок. Его похоронили на том же кладбище, недалеко от того места, где покоился уже прах Давида Юма. Друзья снова сошлись в месте вечного упокоения и разместились там соответственно своему значению. Юм покоится на возвышенности, у подножья которой – могила Смита, покрытая копотью и дымом новой промышленной жизни, развившейся после того, как начала, возвещенные в "Исследованиях о богатстве народов", стали применяться на деле.

Смит строго относился к обработке своих трудов и поэтому многие рукописи, как рассказывают, были им уничтожены еще при жизни. Несколько же оставшихся отрывков, касающихся разных вопросов, но долженствовавших, по крайней мере существеннейшие из них, составить по окончательной обработке одно целое, были опубликованы после смерти Смита под заглавием "Опыты по философским вопросам". О них мы скажем в следующей главе.

ГЛАВА III. АДАМ СМИТ КАК ПИСАТЕЛЬ И МЫСЛИТЕЛЬ: “ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЧУВСТВ” И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Обширные планы Смита. – Сделанное. – Прием, употребленный Смитом. – Недостаток систематической разработки. – Изучение нравственных явлений до Смита. – Взгляд Юма на нравственность. – Оптимизм Смита. – Содержание “Теории нравственных чувств”. – Отношение Смита к утилитаристам. – Прочие мелкие произведения Смита

У Смита был грандиозный, чудовищно грандиозный план. Он хотел, ни больше ни меньше, как дать миру целую социальную систему, охватить все стороны деятельности человека как социальной единицы. Он хотел показать, каким образом уединенный, изолированный человек (или раса), наделенный от природы немногими способностями, развивается и приобретает многие способности путем общения и сношения с такими же другими людьми (или расами); каким образом из дикаря-шотландца незапамятных времен вырабатывается просвещенный шотландец XVIII столетия. Понятно, что грандиозное здание, задуманное Смитом, вероятно, еще в дни юности, не было построено, не было заложено даже его общее основание. Смит приступил прямо к постройке отдельных частей и вывел два довольно законченных притвора, далеко, впрочем, не одинаковой красоты, солидности и прочности. Один из них, первый по времени постройки, посвящен началу бескорыстия; это этика Смита, его “Теория нравственных чувств”. Другой посвящен началу личной выгоды – это его политическая экономия, его “Исследования о богатстве народов”. От остальных работ остались только благие начинания: там заложен фундамент, там выведена стена, там положено лишь несколько кирпичей. Язык, астрономия, физические науки, логика, метафизика, юридические науки, поэзия, музыка, живопись (называемые Смитом подражательными искусствами) и, вероятно, многое другое – все это должно бьшо иметь свои более или менее просторные притворы. Но рука строителя устала, и перед нами – лишь заготовленный материал, или робкие начинания. “Великое литературное чудо и то, – говорит Беджгот, – что из столь

чудовищной схемы, по столь многочисленным абстрактным вопросам получилось нечто целое; мало того, получилось нечто такое, что в продолжение целого столетия составляет основное руководство по вопросу о торговле (trade) и деньгах".

Итак, в двух своих главных произведениях Смит смотрит на явления с двух противоположных точек зрения. То он становится на точку зрения бескорыстия, исключает всякие другие мотивы деятельности и показывает, каким образом человек, руководствуясь бескорыстием, устраивает и свою жизнь, и жизнь других людей, к общему благополучию. То он становится на точку зрения корысти, исключает всякие бескорыстные мотивы и показывает, каким образом человек, руководствуясь исключительно личной пользой, содействует общему благополучию. Понятно, что в первом случае ему приходится иметь дело с явлениями, главным образом, морального характера, а во втором – с явлениями экономического характера. Но Смит прекрасно понимал, что в действительности люди не руководствуются ни исключительно бескорыстными мотивами, ни исключительно корыстными. Человеческая жизнь – слишком сложное явление, чтобы ее можно было втиснуть в такие узкие рамки. С другой стороны, однако, эта самая чрезвычайная сложность жизни делала до сих пор тщетным всякие научные попытки охватить ее всю в целом одним общим взглядом. Только великие поэты поднимались иногда благодаря своей непосредственной прозорливости до такого синтеза. Поэтому люди науки нередко прибегают к приему, употребленному Смитом. Они искусственно изолируют явления и обсуждают их с какой-нибудь исключительной точки зрения. Выводы получаются, конечно, лишь приблизительно верные; но они тем ближе к истине, чем шире точка зрения, с какой ученый рассматривает явления, и чем он осторожнее, беспристрастнее относится к изучаемым явлениям, не позволяя себе насиловать их действительный характер. Наконец, чтобы получить полную систему, цельное воззрение, необходимо выводы, полученные путем такого исключительного анализа, сопоставить и так или иначе связать в одно целое. И опять-таки это задача настолько трудная, что многие сознательно или бессознательно отказываются от нее и, придерживаясь какой-нибудь одной исключительной точки зрения, строят односторонние, уродливые системы.

Смит не сделал такой ошибки; но зато у него начала бескорыстия и корысти так и остались не объединенными каким-либо общим принципом. Мало того, каждая из двух его главных работ сама по себе также не представляет системы в строгом

смысле слова. Скорее это серия, ряд отдельных очерков, связанных одной общей мыслью, а не система, развиваемая шаг за шагом, приводящая в порядок и соподчинение отдельные части. Все это в особенности применимо к “Теории нравственных чувств”. Но даже и в “Исследованиях о богатстве народов” нельзя видеть систему политической экономии, хотя они заключают в себе почти все основные мысли для построения такой системы. Что же касается первого из названных сочинений Смита, то оно вовсе не представляет системы нравственности, и если посмотреть на него с этой точки зрения, то оно теряет даже всякое значение и интерес.

В “Теории нравственных чувств” много прекрасных очерков по отдельным вопросам, глубоких мыслей, любопытных наблюдений; написаны они, по свидетельству английских критиков, замечательно легким и ясным языком (чего, к сожалению, нельзя сказать о неточном русском переводе), пересыпаны массой пояснений, иллюстраций, как и вообще все, что писал Смит; так что, если бы он обработал их по плану отдельных “опытов”, то это было бы одно из наиболее читаемых произведений в Англии даже в настоящее время. Но теории, системы, учения там вовсе не ищите. Смит писал в то время, когда этические вопросы только что начали выделяться из массы других вопросов и подвергаться самостоятельному обследованию.

Работы эти носили еще, однако, в большинстве случаев метафизический характер. Положение Гоббса, высказанное за сто с лишним лет до появления сочинения Смита, о зависимости общественной нравственности от политических учреждений вызвало оппозицию. Одни настаивали на самоочевидности нравственных принципов, на их внутренней убедительности независимо от рассматривания их как законов, установленных всемогущим правителем; другие, во главе с Локком, утверждали, что уразуметь нравственные предписания, которые они считали божественным установлением, возможно только путем изучения человеческих отношений. Вторых можно считать родоначальниками замечательной школы английских моралистов, известной под именем утилитаризма, школы, которая брала исходной точкой своих построений начало пользы. Локк перенес в психологию так называемый индуктивный метод исследования; он обратился к изучению явлений; он шел от частного к общему и считал необходимым оправдание гипотезы фактами. А так как этические вопросы находятся в теснейшей связи с психологическими, то этим же методом стали пользоваться и при рассмотрении вопросов нравственного поведения. Шефтсбери первый из моралистов явно и сознательно

принимает психологический опыт за основание этики. В трудах Юма, Гартлея и Адама Смита это стремление достигает наибольшего развития, и этика, можно сказать, поглощается психологиею. В их исследованиях на первом плане стоит не вопрос о нравственном поведении, а вопрос о том, каким образом могут быть объяснены с научной точки зрения нравственные чувства.

В философском отношении Смит больше всего обязан своему другу Юму. Он разделял его основные взгляды, и “Теория нравственных чувств” построена на молчаливом допущении тех же психологических оснований, которые Юм развивал открыто в своих трактатах. В области нравственных явлений Юм признает за основной факт чувство одобрения или порицания, испытываемое нами в различных случаях. При объяснении этого чувства он сильно склоняется в сторону утилитаристов. Он утверждает, например, что единственно только размышление об общей пользе и интересах заставляет нас одобрять такие чувства, как верность, справедливость, правдивость и многие другие важнейшие добродетели, но в конце концов он не находит возможным построить всю нравственность на основании пользы и обращается к чувству симпатии. Более обстоятельное развитие и применение этой, так сказать, теории симпатии и представляет сочинение Смита. Прежде чем излагать содержание его или, вернее, по отсутствию собственно учения в этом произведении, привести просто несколько наиболее характерных образцов, мы остановим внимание читателя на одной любопытной особенности в мировоззрении Смита.

Этот скромный философ был превеликим оптимистом. Он смотрел через розовые очки не только на промышленную деятельность людей, где, по его мнению, свободная игра личных интересов неизбежно ведет к общему благоденствию, но и на жизнь вообще. “Если мы исследуем, – говорит он, – общие законы, по которым распределяются в этом мире добро и зло, то найдем, что, несмотря на кажущийся беспорядок в этом распределении, каждая добродетель находит свое вознаграждение, и вознаграждение самое приличное для ее поощрения”. Труд вознаграждается успехами; справедливость, добросовестность, человеколюбие – доверием, уважением, любовью окружающих людей и так далее. Бывают, конечно, исключения из этого общего правила, без исключений ведь нельзя; но они редки, и общий характер жизни от этого нисколько не изменяется. Не думайте, что такое всеобщее благополучие царит только в сфере невещественных отношений. Нет, оптимизм Смита не смущается даже самыми резкими материальными диссонансами. “В

сущности, богатые, – говорит философ, – потребляют не более, чем бедные, несмотря на свою алчность и свой эгоизм, несмотря на то, что они преследуют только личные интересы, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, употребляя на это тысячи рук, – тем не менее, они разделяют с последним чернорабочим плоды работ, производимых по их приказанию. По-видимому, какая-то незримая рука принуждает их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми; таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и распространению человеческой природы. Провидение, разделив, так сказать, землю между небольшим числом знатных людей, не позабыло и о тех, кого оно с виду только лишило наследства, так что они получают свою долю из всего, что производится землею. Что же касается того, что составляет истинное счастье, то они нисколько не стоят ниже тех, кто поставлен выше их. Относительно физического здоровья и душевного спокойствия все слои общества находятся почти на одинаковом уровне, и нищий, греющийся на солнышке под забором, пользуется безопасностью и беззаботностью, которой так домогаются короли". Это уже поистине стоический оптимизм, с тою лишь разницею, что Смит не относился к материальному благополучию с высоты величия, а напротив, придавал ему большое значение. Наконец, восставая против чрезмерного сострадания, он заявляет: "Эта преувеличенная симпатия к бедствиям, которые нам неизвестны, прежде всего безумна и неосновательна. Оглянитесь кругом: на одного страдающего и несчастного вы найдете двадцать человек в полном здравии и счастии или, по меньшей мере, в сносном положении". Так профессор Смит охлаждает пыл чрезмерно сострадательных людей. Вероятно, их было слишком много вокруг него… Или, вернее, не страдал ли наш профессор некоторым недостатком зрения в этом отношении, так называемым дальтонизмом? Обратимся, однако, к содержанию его *"Теории нравственных чувств"*.

При исследовании нравственных принципов, говорит Смит, приходится решать два главных вопроса. Во-первых, в чем состоит добродетель, или иначе, какой душевный склад и какой образ поведения заслуживает похвалы. И во-вторых, какая сила или какая способность души заставляет нас отдавать предпочтение тому или другому поведению, называть одно правильным, другое – порочным, рассматривать одно как предмет одобрения,

уважения и награждения, а другое – как предмет порицания, неодобрения и наказания. Вместе со многими другими мыслителями Смит полагает, что добродетель состоит в точном соответствии между чувствами, побуждающими нас к поступку, и причиной или предметами, вызвавшими это чувство. Но он находит это определение недостаточно полным. Всякое чувство или душевное движение, предшествующее действию, можно рассматривать с двух различных сторон, или в двух различных отношениях: во-первых, по отношению к причине, которая вызывает его, а во-вторых, по отношению к цели, которую имеет оно в виду, или к действию, которое оно стремится произвести. В первом случае мы судим о соответствии или несоответствии поступка, а во втором – о его благотворных или пагубных последствиях и ободряем или осуждаем его. Таким образом, нельзя сказать, чтобы даваемое Смитом определение добродетели отличалось ясностью. Зато он надолго останавливается на психологическом описании отдельных добродетельных и недобродетельных поступков, и эти описания бывают нередко удачны и занимательны. Справедливость, по его мнению, отличается от других добродетелей тем, что соблюдение ее не предоставлено на произвол человека, что она может быть вынуждена насильственно. “Мы строже связаны обязанностью руководствоваться справедливостью, чем дружбою, состраданием, великодушием; исполнение последних трех добродетелей предоставлено в некотором роде на нашу волю, между тем как мы чувствуем себя обязанными, связанными, вынужденными положительным обязательством поступать справедливо. Мы сознаем, что это может быть потребовано от нас и что насилие против нас в этом отношении будет встречено всеобщим одобрением. Ничего подобного мы не можем сказать о прочих добродетелях… Человек, нарушивший священнейшие права справедливости, не может подумать без страха, стыда и отчаяния о чувствах, которые он возбудил в прочих людях. По удовлетворении страсти, приведшей его к преступлению, когда он начинает сознавать свое поведение, он не может одобрить ни одного побуждения, руководившего его поступками. Он становится столь же ненавистным в собственных глазах, как и в глазах прочих людей; он пробуждает к себе ужас в людях… Он страдает от одной мысли о положении, в которое он поставил пострадавшего; он сожалеет о пагубных последствиях своей страсти; он сознает, что вызвал против себя общественное негодование и что за этим должны естественно следовать мщение и наказание. Мысль эта проникает в глубину его души и наполняет его страхом и ужасом. Он не смеет смотреть никому

прямо в лицо, он считает себя отверженным из общества и лишенным навсегда расположения людей. Всюду он видит одних только врагов, и он готов бежать в безлюдную пустыню, чтобы только укрыться от человеческого образа, который может напомнить ему о преступлении. Но одиночество еще ужаснее для него, чем сообщество людей. Его преследуют самые ужасные, самые отчаянные мысли, предсказывающие ему собственную гибель и ничтожество. Страх, одиночество гонят его снова в общество… Вот в чем состоит угрызение совести, самое ужасное из чувств, посещающее сердце человеческое…" Мы привели этот отрывок как образчик литературных и философских достоинств "Теории нравственных чувств". В таком роде написана вся книга, но основную тему ее составляет не определение добродетели, а исследование того начала, которым обусловливается наше отношение к поступкам.

По мнению одних, говорит Смит, мы одобряем или не одобряем поступки, как собственные, так и чужие, смотря по тому, какое значение они имеют для нашего счастья или для нашей пользы; по мнению других, руководящим началом в этом случае является разум; по мнению третьих, наконец, – особенное нравственное чувство. Смит не удовлетворяется ни одним из этих принципов и выставляет симпатию как общее основание, определяющее наше отношение к поступкам. Всякое моральное суждение, по его мнению, есть выражение симпатии беспристрастного зрителя к тем побуждениям, которыми вызывается действие. Нравственность или безнравственность мыслимы только в обществе. Если бы человек не был общественным существом, то он не мог бы судить о поступках с моральной точки зрения. Только наблюдая за поведением других людей, мы начинаем составлять свои первые суждения о нравственности. Наблюдение совершается при помощи симпатии (сочувствия или сострадания), когда мы становимся на место наблюдаемого лица и представляем себе, что он испытывает. Если чувства и страсти известного лица находятся в полном соответствии с симпатиями постороннего наблюдателя, то последний обязательно признает их правильными и законными; если же, напротив, такого соответствия не оказывается, то он считает их незаконными, неправильными, не соответствующими причинам, вызывающим их. Одобрять чувства и мнения другого лица значит находить, что мы им вполне сочувствуем; не одобрять – значит находить, что мы им не вполне сочувствуем. Приложение этой основной мысли к различным чувствам и страстям составляет главное содержание "Теории нравственных чувств". Для того, чтобы достигнуть действительного

соответствия в чувствах, часто требуется известного рода усилие – как со стороны лица, которому сочувствуют, так и со стороны лица, которое сочувствует. Первое делает усилие, чтобы овладеть своими эмоциями, или, по крайней мере, выражением их, и дать возможность второму, свидетелю, стать на его точку зрения; а это второе лицо, свидетель, делает усилие, чтобы войти в положение человека, испытывающего известные ощущения. Первого рода усилия, когда они поражают нас и вместе с тем нравятся нам, дают начало “почтенным добродетелям самоотвержения и самообладания”; а второго рода, когда они проявляются с изысканной и неожиданной нежностью и кротостью, порождают мягкие добродетели человеколюбия. В этом последнем случае посторонний зритель симпатизирует не только чувству человека, но, во-первых, – удовольствию, которое доставляет человеколюбие, и, во-вторых, – признательности, которую оно возбуждает. Из симпатии к признательности (благодарности) возникает наше сознание заслуги, достоинства добродетельных поступков.

Свое начало симпатии Смит прилагает к самым разнообразным положениям и объясняет им не только отношения между отдельными людьми, но и различные общественные установления, сословные различия, обычаи, нравы, уголовные законы и так далее. Затем он переносит свое исследование в сферу самосознания и подвергает изучению “происхождение и причины наших суждений о наших собственных поступках и чувствах”. Мы можем судить о своих поступках, только отрешившись от самих себя; мы должны, так сказать, раздвоиться в своем сознании. Одна часть нас становится воображаемым наблюдателем, ценителем и судьею, руководящимся законами симпатии и антипатии; а другая – тем существом, поступки которого подлежат оценке. Посторонние наблюдатели могут ошибаться в своих похвалах и порицаниях; но внутреннему наблюдателю ближе известны все обстоятельства. Люди испытывают неполное, поверхностное удовлетворение от уважения и удивления, которые воздаются им по ошибочной оценке их поступков. Они желают не только быть любимыми, но и быть действительно достойными любви; они желают не только похвалы, но заслуженной похвалы, то есть быть достойными похвалы, хотя бы никто и не хвалил их. При этом следует, однако, заметить, что страдание, причиняемое нам незаслуженным порицанием, превосходит обыкновенно удовлетворение, испытываемое нами от незаслуженной похвалы. “Природа, создавая человека для общественной жизни, – говорит Смит, – одарила его желанием нравиться ближним и опасением

оскорбить их. Она побуждает его радоваться их расположению или страдать от их неприязни. Она устроила таким образом, чтобы одобрение прочих людей само по себе было для него приятно и лестно, а неодобрение их неприятно и оскорбительно". Но этого мало, чтобы сделать человека пригодным для общественной жизни. "Поэтому природа не ограничилась тем, что одарила его желанием одобрения, она внушила ему еще и желание быть достойным одобрения. Первое могло бы побудить человека казаться годным для общественной жизни; второе было необходимо, чтобы действительно побудить его к приобретению свойств, требуемых подобной жизнью. Первое побуждало бы его лишь к тому, чтобы скрывать свои пороки и притворяться добродетельным, и только второе могло внушить ему настоящую любовь к добродетели и настоящее отвращение к пороку". Выше человеческого суда стоит суд своей собственной совести, суд "воображаемого, беспристрастного и просвещенного постороннего свидетеля, суд, отыскиваемый каждым человеком в глубине своего сердца и служащий верховным посредником и вершителем всех наших действий. Приговоры обоих этих судов основаны на началах хотя и сходных в некоторых отношениях и близких друг с другом, но, тем не менее, в действительности различных и неодинаковых. Власть над нами мнения прочих людей основана на желании похвалы и на опасении порицания. Власть же совести основана на желании заслуженной похвалы и на отвращении к заслуженному порицанию… Если мнение прочих людей одобряет и восхваляет нас за поступки, которых мы не делали, за чувства, которые не побуждали нас к этим поступкам, то совесть наша тотчас же унижает в нас гордость, вызванную похвалами, и говорит нам, что так как нам известны собственные наши заслуги, то мы заслуживаем презрения за все, что принимаем сверх следуемого нам. Если люди упрекают нас в поступках, которых мы не делали, в побуждениях, которые нисколько не руководили нами, то внутренний голос совести исправляет ложное мнение посторонних людей и показывает нам, что мы ни в каком случае не заслуживаем несправедливо направленного против нас осуждения". Но в подобных случаях внутренний человек нередко бывает поражен и смущен жестокостью и криками посторонних людей; естественное понимание того, что заслуживает похвалы, и того, что заслуживает порицания, "притупляется и приходит в оцепенение", совесть никнет под напором всеобщего порицания и негодования. С другой стороны, присутствие посторонних людей и их суждения бывают часто необходимы, чтобы пробудить в человеке сознание своего долга, и если беспристрастных

свидетелей нет, а присутствующие относятся к человеку с пристрастием и потворством, то нравственные чувства легко могут быть извращены. Низкий уровень партийной и международной нравственности сравнительно с личной объясняется, по мнению Смита, именно этим обстоятельством. Извращение нашей совести происходит не только при отсутствии беспристрастных посторонних свидетелей, но и вследствие наших собственных эгоистических страстей, приводящих нас к несправедливым и насильственным поступкам. Мы нередко сами потворствуем себе. К счастью, природа не отдала нас всецело во власть самолюбивых самообольщений; она поставила на страже нашего поведения "общие правила нравственности". "В основание их легло то, что постоянно одобрялось или порицалось в целом ряде частных случаев нашими нравственными способностями, нашим чувством приличия и достоинства". Раз эти правила были выработаны и установлены, они составили, так сказать, общий кодекс, к которому обращаются люди в затруднительных случаях. "Наше уважение к общим правилам и есть собственно так называемое *чувство долга,* начало, имеющее весьма важное значение в человеческой жизни, единственное начало, которым вся масса человечества способна руководствоваться в своих поступках… Без такого священного уважения к правилам нравственности не было бы возможности рассчитывать ни на чье поведение". В дальнейшем изложении Смит останавливается на влиянии пользы, обычаев и моды на наше чувство одобрения или неодобрения в делах нравственности; он отводит много места характеристике добродетельного человека, руководящегося в своих поступках благоразумием, справедливостью, великодушием и самообладанием, и в заключение дает очерк различных систем нравственной философии.

Мы скажем еще несколько слов об отношении Смита к утилитаристам. Он не считал возможным вывести всю нравственность из принципа пользы. В системах, "выводящих принцип одобрения из нашего личного интереса", он находит "много смутного и неопределенного". Польза сопровождает всякую добродетель, а не порождает ее, и этот элемент полезности придает особенную силу и прелесть добродетели. Когда утилитаристы развивают свою идею пользы, то "читатель, – говорит Смит, – восхищается новостью и широтою выставляемых перед ним воззрений; он различает в добродетели новую красоту, а в пороке – новое безобразие; он приходит в такой восторг… что у него не остается даже охоты подумать, что так как все эти политические соображения о полезности никогда не приходят ему в голову, то они и не могут быть источником того одобрения

или неодобрения, какие до этого воздавались им добродетели и пороку". Философы, полагавшие в основании нравственности принцип пользы, близко подходили, по мнению Смита, к понятию симпатии; но они смутно представляли его себе и не могли формулировать. "Система, выводящая все наши страсти и все наши чувства из любви к самому себе, – говорит он, – система, наделавшая в мире столько шума, но ни разу еще достаточно полно и ясно не развитая, возникла, мне кажется, из неправильного и смутного понимания системы симпатии". Свое начало симпатии Смит во всяком случае не считает возможным свести ни на начало пользы, ни на начало эгоизма. Она представляет более широкое понятие. Таким образом, Смит не был утилитаристом, но вместе с Юмом они расчистили почву и подготовили ее для развития новейшей утилитарной школы в Англии в лице Бентама и его последователей.

Мы уже говорили, что кроме "Исследований о богатстве народов" и "Теории нравственных чувств" от Смита осталось еще несколько произведений, незаконченных работ и отрывков. Они не имели и не имеют серьезного значения. Три работы, из которых первая – самая большая по объему: по истории астрономии, по истории физических наук в древние времена и по истории логики и метафизики в древние времена, носят одно общее заглавие: *"Принципы, лежащие в основании философских исследований".* Очевидно, они должны были составить одно целое.

Имея в виду свою обширную схему, Смит приступал к выполнению ее с разных концов. Этюду по истории астрономии предпосланы общие рассуждения о чувстве удивительного и чудесного, а также о возникновении философии; но и эта работа осталась неоконченной (хотя только ее одну из всех оставленных рукописей Смит считал стоящей издания) и как отрывок из задуманного в юности труда. Два же других отрывка занимают по несколько страниц и не имеют никакого общего значения. В *"Рассуждении относительно первоначального образования языков",* законченной работе, Смит обнаруживает свою обычную способность пояснять примерами устанавливаемые положения. Он доказывает, что язык становится тем проще по своим основным правилам и принципам, чем сложнее он делается по своему строению, и проводит параллель между постепенным усовершенствованием языка и постепенным усовершенствованием машины; как в машинном деле, так и в языке обнаруживается стремление множество отдельных сил и начал заменять одною силою, одним принципом, вызывающим множество последствий. Однако эти упрощения вместо того, чтобы делать средства, которыми располагает язык для

достижения своей цели, более совершенными, делают их на самом деле менее совершенными. В этюде “О *подражании, проявляющемся в так называемых подражательных искусствах”* Смит толкует о живописи, скульптуре, музыке, танцах, поэзии с точки зрения подражания, которое лежит в основании их и сопоставляет эти искусства одни с другими; по стилю этот этюд сильно напоминает “Теорию нравственных чувств”, но, рассматриваемый в целом, он должен быть поставлен намного ниже последнего произведения. Наконец, нам остается упомянуть еще об опытах Смита “О *внешних чувствах”* и “О *сходстве между некоторыми английскими и итальянскими стихами”*. Все эти работы в настоящее время интересны лишь как свидетельство того, насколько широки и разнообразны были умственные интересы мыслителя, положившего основание такой деловой и узкой, по мнению многих, науки, как политическая экономия. От вопросов о бытии мира до вопросов о танцах – все интересовало его. Таким именно бывает и должен быть всякий мыслитель, создающий эпоху *в общем ходе* развития человеческой мысли.

ГЛАВА IV. АДАМ СМИТ КАК ПИСАТЕЛЬ И МЫСЛИТЕЛЬ: “ИССЛЕДОВАНИЯ О БОГАТСТВЕ НАРОДОВ”

Метод. – Содержание. – Две первые книги “Исследований”. – Разделение труда. – Обмен. – Драгоценные металлы. – Меновая ценность. – Труд как мерило меновой ценности. – Действительная и нарицательная цена. – Составные части, из которых она слагается. – Естественная и рыночная цена. – Заработная плата. – Прибыль на капитал. – Поземельная рента. – Интересы землевладельцев, рабочих, капиталистов

Хотя так называемая классическая политическая экономия ведет свое начало от Адама Смита, однако этот великий мыслитель не повинен в ее абстрактных блужданиях и погрешностях. Бокль потратил немало усилий для того, чтобы доказать, что метод “Богатства народов” – чисто дедуктивный. Он построил свой вывод, главным образом, на двух следующих посылках: во-первых, все мыслители-шотландцы, в противоположность мыслителям-англичанам, следовали дедуктивному методу и, во-вторых, политическая экономия – наука дедуктивная. Под влиянием этой предвзятой мысли Бокль просмотрел конкретный характер “Богатства народов” и приписал необычайные заслуги “диалектическому искусству”, с каким Смит исследовал предмет своей книги. Между тем, всякого читателя, не предубежденного в пользу того или другого метода в политической экономии, при чтении этой книги поражает первым делом необычайная способность автора к наблюдению над общественными явлениями и его чрезвычайно обширное по тому времени знакомство с фактами прошедшей и современной жизни. Вы чувствуете широчайший ум, охватывающий массу явлений, – ум, проникающий до костей действительной природы явлений и описывающий их с ясностью, которой не удалось превзойти никому из последующих самостоятельных политэкономов. Вы не встретите у Смита рассуждений, старательно нанизываемых с той целью, чтобы получить те или другие выводы из отвлеченных положений; но зато встречаетесь на каждом шагу с фактами и чувствуете непосредственное соприкосновение мысли автора с действительной, реальной жизнью. Только благодаря такому

конкретному характеру книга эта имела необычайный успех в деловых политических сферах и стала со временем руководством для выдающихся государственных деятелей. Обсуждая вопрос за вопросом, Смит все больше и больше входит в частности и как бы вовсе не заботится об общих отвлеченных заключениях. Некоторые из писателей не признают даже цельность и связность в его великом произведении. Так, он в действительности был далек от пресловутого *дедуцирования,* прославившего впоследствии некоторых из его якобы учеников. Не следует, однако, впадать в противоположную крайность и искать в “Богатстве народов” применение индуктивного метода и тем более исторического. У Смита есть свои обобщения, свои посылки, из которых он исходит, или, вернее, которыми он освещает явления; у него есть, одним словом, своя гипотеза. Без этого все исследование обратилось бы в простой набор фактов. Гипотеза только тогда становится злом, когда ею пользуются для того, чтобы делать разные выводы, выкладки безотносительно к действительности. Отвлеченная гипотеза – зло, если она является, так сказать, господином в рассуждениях, а не слугою, средством. Она зло, если находится в противоречии с всеобщими фактами человеческой или внешней природы. В противном случае она вполне законное и плодотворное средство для поиска истины. Такой посылкой в “Богатстве народов” является утверждение, что человек в своих материальных делах руководится выгодою и что личная выгода есть самый надежный компас не только в личной, но и в общественной жизни. Эти утверждения, если придать им исключительный характер и приложить к ним дедуктивный метод, могут привести к нелепым и даже чудовищным, с человеческой точки зрения, выводам, что и случилось с ортодоксальными последователями классической политической экономии. Но если иметь в виду такой строй общественной и личной жизни, в котором личная выгода является на самом деле основным импульсом деятельности и в котором вместе с тем царит самая строгая правительственная регламентация экономической деятельности, и если при этом, не доверяя дедукции, поставить на первое место наблюдение, то те же исходные утверждения приведут к совершенно иным выводам. Адам Смит при помощи своей гипотезы сделал поистине великие открытия в области политической экономии. А что ученые филистеры превратили эту гипотезу в злополучный символ веры буржуазного миросозерцания – в этом вина не Адама Смита и не его гипотезы.

Итак, будучи истинно великим мыслителем, Адам Смит пользуется и индуктивным, и дедуктивным методами, а вернее,

сознательно не пользуется ни тем, ни другим, как мы их понимаем теперь. По крайней мере, он нигде не говорит о своем методе. Проницательный глаз, ясный и широкий ум и то чутье действительности, которое свойственно всем великим людям, ученым, поэтам, общественным деятелям, – вот чем он руководился в своем исследовании, а не заманчивой стройностью того или другого метода.

Содержание *"Исследований о народном богатстве"* чрезвычайно разнообразно. Простое перечисление наиболее крупных из рассмотренных Смитом вопросов занимает у Бокля больше страницы большого формата. Все сочинение, состоящее из пяти книг, можно разделить по содержанию на четыре части. Первые две книги посвящены основным вопросам – это теоретическая часть, то, что собственно понимают под политической экономией. В третьей книге Смит занимается историей земледелия, историей возникновения и развития городов после падения Римской империи и исследует влияние торговой деятельности и промышленных городов на земледелие сельских округов. В четвертой он трактует о политэкономических системах, рассматривает и опровергает меркантильную теорию и учение физиократов. В пятой говорит о государственных доходах и расходах, о налогах и вмешательстве государства. Таким образом, если в первых двух книгах Адам Смит излагает основные политэкономические понятия, то в остальных трех он "делает попытку применить свою теорию к решению вопроса об отношении государства к народному хозяйству".

Теоретическая часть открывается рассуждением о *разделении труда.* Выяснив значение разделения труда, Адам Смит сделал целое открытие и сделал так, что его последователям немногое пришлось прибавить к сказанному по этому поводу учителем. Годичный труд народа есть первоначальный и основной источник, снабжающий всех предметами потребления и удобства. Народ бывает более или менее удовлетворительно снабжен этими предметами, смотря по отношению между количеством произведений труда, или предметов, обмениваемых за эти произведения, и числом потребителей. Количество производимых в данном обществе предметов зависит, во-первых, от числа людей, занимающихся в нем полезными работами, а во-вторых, и главнейшим образом, от искусства, быстроты и смышлености, с какими вообще производится работа, то есть от производительности труда. Главнейшее же условие производительности труда составляет его разделение. Разделение труда дает огромный прирост в количестве работы благодаря, во-первых, увеличению ловкости каждого отдельного работника, во-

вторых, сбережению времени, уходящего обыкновенно на переходы от одного занятия к другому, и, в-третьих, изобретению машин, облегчающих и сокращающих труд и доставляющих возможность одному человеку исполнять дело нескольких. Каким же образом человек приходит к мысли о разделении труда? Не путем ли сознательных размышлений о той громадной пользе, которую оно принесет для всех? Нет, отвечает Смит, на разделение труда не следует смотреть как на результат человеческой мудрости; “оно было необходимым, хотя и весьма медленным и постепенным последствием известного стремления, свойственного всем людям, помимо какой бы то ни было заранее рассчитанной общей выгоды, – стремления, побуждающего их к торгу, к обмену одной вещи на другую”. Животное, достигнув полного развития, становится вполне независимым; человек же постоянно нуждается в помощи ближних; положиться на их благорасположение было бы очень рискованно; поэтому он обращается к их выгоде и говорит им: дайте мне то, что нужно мне, и вы получите от меня то, что нужно вам. Большая часть всех столь необходимых для нас услуг получается именно таким образом. “Итак, уверенность в возможности обменять весь излишек своих собственных произведений на такие произведения других людей, в которых человек может испытывать нужду, побуждает его избрать какое-либо исключительное занятие и воспитывать и совершенствовать все свои способности к этому отдельному роду занятий”. Что касается природных различий в способностях людей, то они на самом деле гораздо менее значительны, чем мы то обыкновенно себе представляем. “Различие между людьми, посвятившими себя самым противоположным занятиям, между мыслителем, например, и носильщиком, менее вытекает из их природы, чем из привычек и воспитания. Прежде чем они приступили к своим занятиям, в первые шесть или восемь лет их жизни, между тем и другим существовало, быть может, такое сходство, что ни родители, ни товарищи не находили между ними заметного различия. Около этого возраста или вскоре после него они обращены были к совершенно различным занятиям. С этих пор началось между ними несходство, мало-помалу увеличивавшееся до того, что философ, по своему тщеславию, уже с трудом соглашается признать хотя бы одну черту сходства между собою и чернорабочим”. Таким образом, наблюдаемое нами различие в способностях есть не столько причина, сколько следствие разделения труда, вызываемого стремлением к обмену услуг. Этому же самому инстинктивному стремлению мы обязаны и тем, что разнообразие наших способностей становится полезным для

всех вообще. “Многие животные породы, принимаемые за один вид, получили от природы отличительные свойства и различные склонности, несравненно более заметные, чем те, какие замечаются между людьми, прежде чем на них окажут свое действие привычка и воспитание. По природным свойствам между философом и носильщиком нет и половины того различия в дарованиях и умственных способностях, какое существует между дворовою собакою и борзою, между борзою и легавою, между последнею и овчаркою. Тем не менее различные породы эти, хотя и принадлежащие одному и тому же виду, не приносят друг другу никакой пользы… Каждое животное принуждено поддерживать и защищать свое существование отдельно и независимо от других и не в состоянии извлечь ни малейшей пользы от разнообразия в склонностях, разлитого природою по всей породе. Между людьми, напротив того, самые противоположные дарования оказываются полезными одни для других” благодаря благодетельной наклонности к обмену.

Возникшее разделение труда развивается в зависимости от размеров возможного обмена, то есть от величины *рынка,* на котором могут быть обмениваемы произведения разделенного труда. Если рынок невелик, то никому не будет выгодно заниматься одним только делом, так как невозможно будет обменять весь излишек произведенных предметов, а следовательно, и получить все те предметы потребления, которых человек сам не производит. Поэтому человеку приходится, сообразно с рынком, заниматься одним или многими делами. В городе могут существовать отдельный мясник, булочник, пивовар и так далее, но в глухой отдаленной деревне нет места для приложения их разделенного труда, и каждый хозяин должен быть собственным мясником, булочником, пивоваром и так далее. Естественно, что разделение труда сильнее развивается в странах приморских или располагающих хорошими речными сообщениями, чем в странах, лишенных таких природных преимуществ, так как всякое облегчение сообщения равносильно расширению рынка. Чем сильнее развивается разделение труда, тем меньше каждый отдельный человек производит предметов, необходимых для своего личного потребления, и тем больше он должен выменять таких предметов на произведения собственного труда. “Таким образом, каждый человек живет меною и становится как бы купцом, а все общество обращается, собственно, в общество торгующих людей”. Но на первых ступенях развития такого оживленного обмена должно было встретиться множество затруднений. “Положим, что у одного человека больше предметов потребления, чем ему нужно, между

тем как другой чувствует в них недостаток. Вследствие этого первый охотно променял бы часть своего избытка, а последний с такою же готовностью купил бы ее. Но если, по несчастью, последний не имеет ничего из того, что нужно первому, то между ними не может произойти никакого обмена". Чтобы выйти из такого затруднения, предусмотрительным людям оставалось только запасаться в обмен на собственные произведения такими предметами, которые хотя бы и не нужны были в данное время для их собственного потребления, но на которые другие люди охотно меняют свои произведения. С этой целью были перепробованы в разные времена и в разных странах различные предметы: скот, соль, раковины, сушеная рыба, табак, сахар и так далее. В конце концов, несомненная выгода побудила людей остановиться на *драгоценных металлах.* Действительно, "металлы представляют в этом отношении то удобство, что по прочности своей не только могут сохраняться с наименьшею потерею сравнительно с чем бы то ни было, но могут еще и делиться без ущерба на какое угодно число частей, а эти части могут быть снова слиты и обращены в одну массу; свойства этого не имеет никакой другой товар, одинаковый с ними прочностью, и это преимущество делает их орудием, более всего удобным для торговли и обращения". С течением времени слитки металлов подвергаются установленной чеканке, и *монета* входит во всеобщее употребление как орудие обмена. Но монеты, деньги представляют только орудие мены, сама же мена совершается по законам, в основании которых лежит понятие о *ценности.* "Учение о ценности, – говорит г-н Чупров, – занимает главную часть "Богатства народов" и составляет существенную заслугу ее автора". Слово "ценность" имеет два значения: оно обозначает полезность известного предмета и указывает на его покупательную силу. В первом случае мы получаем потребительную ценность, а во втором – меновую. "Ценность каждой вещи, – говорит Смит, – для хозяина ее, если он не думает пользоваться ею или употреблять ее самолично, а намерен променять ее на другую вещь, равна количеству труда, какое он может купить или заказать за нее… Действительная ценность каждой вещи, то есть то, что на самом деле стоит вещь тому, кто желает приобрести ее, – это есть труд и усилия, какие необходимо употребить, чтобы приобрести ее. А действительная ценность вещи для того, кто приобрел ее и желает сбыть или променять за другую вещь, есть труд и усилия, которые могут быть получены от других людей при ее содействии".

Таким образом, *труд* составляет действительное мерило меновой ценности всякого предмета мены. Но как определить

отношение между двумя различными количествами труда? Тут пришлось бы принимать в расчет не только время, но и ловкость, дарования и тому подобное. Ввиду чрезвычайной затруднительности таких расчетов, а также того, что людям гораздо чаще приходится обменивать товар на товар, чем товар на труд или труд на труд, для измерения меновой ценности принимается сначала какой-либо из товаров, обращающихся на рынке, а затем – драгоценные металлы, деньги. Хотя деньги и становятся всеобщим орудием мены, однако меновая ценность их, как и всякого товара, подвергается изменениям, тогда как одно и то же количество труда во все времена и во всех странах представляет одинаковую ценность *для работника,* то есть одинаковую жертву с его стороны досугом, свободой и благополучием при обыкновенном состоянии здоровья, силы и деятельности и средней степени ловкости и расторопности. Количество предметов, получаемых человеком в вознаграждение за труд, может изменяться, но это будет указывать лишь на изменения в меновой ценности этих предметов, а не на изменение ценности самого труда, которая остается всегда одна и та же. “Таким образом, труд, никогда не изменяясь в собственной своей ценности, есть единственная, действительная и определенная мера, которою всегда и всюду можно оценивать и сравнивать ценности различных предметов мены. Труд есть действительная, а деньги – нарицательная цена их”. Но *для лица, нанимающего* работника, труд последнего имеет то большую, то меньшую меновую ценность – смотря по тому, приходится ли давать ему за этот труд больше или меньше товаров; в действительности же изменяется не ценность труда, а ценность тех товаров, которые приходится отдать за труд. В этом смысле о труде можно сказать, как и о всяком другом товаре, что он имеет *действительную* и *нарицательную цену*. Первая состоит в количестве предметов необходимости или удобства, отдаваемых за труд, а вторая – в количестве денег. Это различие между действительной и нарицательной ценой предметов мены имеет нередко весьма важное значение на практике. “Одна и та же действительная цена представляет одну и ту же ценность; но вследствие видоизменения в ценности золота и серебра одна и та же нарицательная цена выражает часто весьма различные ценности”. Правда, ценность золота и серебра в малые промежутки времени мало изменяется. Но если взять две отдаленнейшие эпохи, то окажется, что ценность хлеба, этого необходимого предмета потребления для работника, претерпевает меньшие изменения, чем ценность золота и серебра; поэтому одинаковое количество хлеба в отдаленнейшие эпохи

ближе, чем какой-либо другой товар, представляет одинаковое количество труда.

В первобытном состоянии общества, предшествовавшем скоплению капиталов и обращению в собственность земель, меновая ценность всякого предмета определялась, по-видимому, единственно лишь тем количеством труда, какое необходимо потратить на его производство. Продукт двухдневного или двухчасового дня стоил вдвое больше продукта, на производство которого был потрачен один день или один час. При этом, конечно, принималась в расчет также ловкость работника и затруднения, какие ему приходилось преодолеть. При таком порядке вещей произведение труда безраздельно принадлежит работнику. Но с накоплением разных запасов в отдельных руках дело меняется; запасы эти идут на содержание работающих людей, а собственники их предъявляют свои права на части ценностей, созданных трудом. “Ценность, придаваемая работником сырому материалу, разбивается на две части, из которых одна покрывает содержание работника, а другая служит прибылью для предпринимателя на его капитал, употребленный на заработную плату и на приобретение сырых материалов”. Без такой прибыли собственник капитала не стал бы затрачивать его на покупку труда и сырых материалов. Далее, “с того момента, как почва какой-либо страны обращена в частную собственность, землевладельцы, подобно всем людям, предпочли собирать плоды там, где не сеяли, и стали требовать поземельной ренты даже за естественные произведения земли. Явилась прибавочная цена на дрова, вырубленные в лесу, на траву, скошенную с луга, и на все естественные произведения земли, которые при общем владении землею ничего не стоили, кроме труда собирать их”. Работник должен заплатить теперь за позволение собирать все эти произведения; ему приходится теперь уступить собственнику земли часть того, что он соберет или произведет своим трудом. “Эта часть, или – что то же – цена этой части, составляет поземельную ренту, которая входит как третья составная часть в цену большей части товаров”. Таким образом, в современном обществе источниками дохода служат *заработная плата* — доход от труда, *прибыль на капитал* — доход на капитал (называемый процентом, если капитал ссужается постороннему лицу) и *поземельная рента* — доход от земли. Все эти три элемента входят в большей или меньшей мере в цену почти всех товаров.

Во всяком обществе и во всякой местности существует обыкновенный или средний размер заработной платы и прибыли в различных приложениях труда и капитала, а также и средний размер ренты. Этот обыкновенный или средний размер

заработной платы, прибыли и ренты можно назвать естественным для того времени и местности, в которых он преобладает. Соответственно этому, *естественной* ценой известного предмета можно назвать ту цену, которая достаточна для оплаты ренты, прибыли и заработной платы в размерах, необходимых для того, чтобы означенный предмет появился на рынке. В таком случае товар продается именно за то, что он стоит, во что он действительно обошелся тому, кто доставил его на рынок. К этой естественной цене обыкновенно тяготеет существующая *рыночная* цена товаров, то подымаясь, то опускаясь против нее, в зависимости от предложения и спроса. Годовое производство, естественно, стремится доставить на рынок такое именно количество товаров, на какое существует спрос. Но встречаются товары, производство которых монополизировано или вследствие естественных причин (особых условий почвы и так далее), или в силу разных привилегий и преимуществ, раздаваемых правительством отдельным лицам. Цены на такие товары всегда будут стоять выше их естественных цен; это будут самые высокие цены, какие только можно получить. Естественная же цена всех остальных товаров, производство которых вполне свободно, есть наименьшая, какую только можно взять в данное время. Затем Смит переходит к изучению условий, влияющих на величину заработной платы, прибыли и ренты и на их взаимные отношения.

В первобытном состоянии общества, как было замечено выше, весь продукт труда принадлежал безраздельно работнику. Последний “не знал ни землевладельца, ни хозяина, с которыми бы ему приходилось делиться”. Если бы такой порядок вещей продолжался, то со всевозрастающим разделением труда рабочий получал бы больше и больше (то, что мы называем теперь его заработной платой, увеличивалось бы), а предметы становились бы дешевле и дешевле. Но “как только земля обратилась в частную собственность, землевладелец потребовал в свою пользу почти все количество произведений, какое земледелец может взрастить или получить с нее. Рента его стала первым вычетом из труда, приложенного к земле”. Затем потребовал своей доли и капиталист-фермер, снабдивший рабочего средствами существования и орудиями производства; эта прибыль на капитал составляет второй вычет из труда, приложенного к земле. Точно так же и в каждом ремесле, во всякой промышленности рабочий в большинстве случаев ищет хозяина, который дал бы ему материал для труда и средства существования до окончания работы, и должен уступить ему за это часть произведений своего труда. Бывают, конечно, случаи, когда рабочий соединяет в своем

лице и хозяина; но они редки. “Обыкновенно же во всех европейских странах на одного независимого работника приходится двадцать работающих на хозяина, и под именем *заработной платы* разумеется повсеместно плата, выдаваемая обыкновенно в таком случае, когда работник и хозяин употребляемого на производство капитала суть два отдельных лица”. Средняя заработная плата определяется столкновением, борьбою противоположных интересов рабочих и предпринимателей. Рабочие стараются выговорить как можно больше, а хозяева – дать как можно меньше. Первые прибегают к стачкам для повышения заработной платы, вторые – к стачкам для понижения ее. “Воображать, – замечает Смит по этому поводу, – что хозяева редко сговариваются между собою, значит не знать ни свойств этого предмета, ни условий жизни. Хозяева всюду и всегда находятся хотя и в неслышной, но, тем не менее, постоянной и неизменной стачке, имеющей целью не подымать заработной платы выше существующей цены на нее… Если в действительности мы никогда не слышим об этой стачке, то это потому, что она составляет обычное состояние, можно сказать, даже естественный порядок вещей, на который никто не обращает внимания”. Этим тайным и явным стачкам хозяев рабочие противопоставляют свои шумные забастовки, так как “будучи доведены до безвыходного положения, они должны избрать или голодную смерть, или путем насилия вырвать у своих хозяев как можно скорее согласие на свои требования”. Но есть предел, ниже которого не может упасть заработная плата: она должна обеспечить необходимые средства существования для рабочего и его семьи. Она подымается выше этого минимума не в странах самых богатых, а преимущественно в таких странах, которые обнаруживают наибольший прогресс в своем материальном развитии. Как бы ни была богата страна, но если она остановилась в своем развитии, то увеличивающееся население рано или поздно низведет заработную плату до ее минимального уровня. В основе этих рассуждений Смита лежит отвергнутое впоследствии учение о заработном фонде, а также те соображения, которые Мальтус положил в основание своей теории о народонаселении; только Смит признавал их условно: народонаселение может перерасти средства существования, по его мнению, лишь в странах, остановившихся в своем развитии.

Увеличение или уменьшение *прибыли,* получаемой капиталом, зависит от тех же причин, от которых изменяется и размер заработной платы, – но только здесь все наоборот, то есть прибыль уменьшается в странах, материально прогрессирующих, и увеличивается с упадком общественного благосостояния.

“Скопление капиталов, поднимающее заработную плату, стремится понизить прибыль. Когда несколько богатых купцов обращают свои капиталы на одну и ту же отрасль торговли, то взаимное соперничество между ними естественно приводит к понижению прибыли, а когда подобное скопление капиталов произойдет во всех промыслах общества, тогда соперничество должно произвести такое же действие на все капиталы”. О величине прибыли в данное время и в данной стране можно судить по величине процента, какой соглашаются уплачивать за деньги, взятые в ссуду. Если мы представим себе общество, вполне свободное, где все люди свободно избирали бы себе занятие, то выгоды и невыгоды, проистекающие от такого или иного приложения труда и капитала, были бы равны, или, по крайней мере, всегда стремились бы уравняться. Промысел явно выгодный привлекал бы к себе немедленно такое количество труда и капитала, что быстро уравнивался бы по своей выгодности со всеми другими промыслами. От менее выгодного промысла, напротив, и труд, и капитал отливали бы, как только обнаружилась бы его сравнительно меньшая выгодность. В действительности же денежная заработная плата и прибыль бывают весьма различны в различных занятиях; это зависит, с одной стороны, от разных обстоятельств, которые располагают людское мнение к данному занятию или, наоборот, отвращают от него, а с другой, – от правительственного вмешательства. К обстоятельствам первого рода относятся: 1) удовольствие или неудовольствие, доставляемое занятием, 2) легкость и дешевизна или трудность и дороговизна, сопровождающие его изучение, 3) постоянство или непостоянство занятия, 4) большая или меньшая степень доверия, возлагаемого на человека, избирающего занятие, и 5) степень вероятности успеха или неуспеха. В рассмотрении всех этих обстоятельств Смит обнаруживает, по общему отзыву, необыкновенное искусство; но ввиду недостатка места и большого интереса, представляемого для нас вопросом о влиянии правительственного вмешательства на неравномерность вознаграждения, мы остановимся лишь на рассмотрении последнего. Правительство влияет на размеры заработной платы и прибыли разными путями. В одних промыслах оно стесняет конкуренцию, а в других – искусственно усиливает ее и, наконец, разными мерами затрудняет свободное обращение труда и капитала от одного промысла к другому и из одной местности в другую. “Самое священное и неприкосновенное право собственности, – говорит Смит, – есть право на свой собственный труд, потому что из него вытекают все прочие права собственности. Все имущество бедного состоит в его силе и в

ловкости его рук; мешать ему употреблять эту силу и эту ловкость так, как он заблагорассудит, если он никому не причиняет этим вреда, есть явное насилие над этою первоначальною собственностью. Это есть вопиющее нарушение законной свободы как работника, так и того, кто захотел бы дать ему работу; это значит воспрещать одному работать, как он найдет более выгодным для себя, а другому – нанимать его работу". Полагая, что собственная польза есть наилучшее руководящее начало для обеих заинтересованных сторон, Смит безусловно восстает против всяких исключительных цеховых привилегий и против всяких пошлин на иностранные мануфактурные произведения и вообще товары, благодаря которым труд искусственно отвращается от одних занятий и направляется на другие. Затем он восстает также и против искусственного поощрения конкуренции в некоторых отраслях деятельности посредством подготовки за государственный или общественный счет большего числа лиц, посвящающих себя этой деятельности, чем было бы их при свободной конкуренции. "Принималось обыкновенно, – говорит он, – за дело необыкновенной важности воспитывать для некоторых занятий достаточное число молодых людей, так что с этой целью учреждалось то государством, то благотворительностью частных лиц такое количество заведений, пансионов, стипендий в коллегиях и семинариях и прочего, которое привлекало к этим занятиям больше молодых людей, чем сколько требовалось". На примере лиц, готовившихся к духовному званию и воспитывавшихся большей частью на общественные средства, он показывает, как низко пало тогда их вознаграждение благодаря чрезмерной конкуренции. Наконец, различными предписаниями правительство нередко ограничивает и стесняет свободное передвижение труда из одной местности в другую, от одного промысла к другому. Высылка, – говорит он, – человека, не совершившего никакого преступления, из местности, в которой он желает поселиться, есть явное покушение на естественную справедливость и свободу человека. Законы об оседлости и связанные с ними законы о бедных были настоящим общественным бедствием для Англии. Также неосновательны и стеснительны для труда были и законы, устанавливавшие размер заработной платы и цены на съестные припасы и на некоторые другие товары. "Там, где существуют исключительные привилегии, – замечает по этому поводу Смит, – быть может, и следует назначать цену на предметы первой необходимости; но где их нет, там конкуренция установит их несравненно лучше, чем какие бы то ни было меры".

Поземельную ренту Смит рассматривает как последний элемент, входящий в состав цены продуктов. Рикардо и последующие экономисты, как известно, отвергают теорию ренты Смита и утверждают, что рента в действительности не составляет элемента, определяющего цену, а что сама она уплачивается из существующих цен на продукты, что она есть следствие, а не причина цены. Смиту, вероятно, была небезызвестна эта теория, иногда он сам высказывает почти те же мысли. Но в настоящее время и учение Рикардо подвергается серьезной критике. Во всяком случае, теория ренты Смита заслуживает того, чтобы мы указали здесь хотя бы самым беглым образом сущность ее. Рента, по мнению Смита, есть цена, уплачиваемая за пользование землею, и притом цена наивысшая, какую только в состоянии заплатить арендатор; следовательно, цена монопольная. Заключая условие с арендатором, землевладелец старается ограничить его доход количеством произведений, необходимых для покрытия расходов по покупке семян, орудий, по содержанию рабочих, скота и т. д., да сверх того предоставить ему такую прибыль, какую дают окрестные фермы. Все же остальное количество произведений земли или стоимость их он старается оставить за собой как принадлежащий ему доход, как ренту. “На рынок обыкновенно поступает только такая часть произведений земли, стоимость которой достаточна для выручки капитала, употребленного на доставку их на рынок, и для покрытия обыкновенной прибыли на этот капитал. Если обыкновенная цена произведений более чем достаточна, то излишек, естественно, войдет в поземельный доход. Если она едва достаточна, то произведения могут поступить на рынок, но не дадут дохода поземельному собственнику. Но будет ли она достаточна или более чем достаточна, зависит от спроса”. Итак, рента входит в состав цены произведений совершенно иным образом, чем заработная плата и прибыль. Высокая или низкая заработная плата и прибыль составляют причину высокой или низкой цены товаров, а высокая или низкая поземельная рента составляет следствие последней.

Общая масса годовой производительности земли в каждой стране разбивается на три части: ренту, прибыль и заработную плату, представляющие доход трех соответствующих классов общества: землевладельцев, капиталистов и рабочих. Доходы этих трех классов доставляют в конце концов средства существования всему народонаселению; но интересы каждого из них в отдельности находятся не в одинаковом отношении с общими интересами населения. Интересы землевладельцев, говорит Смит, тесно и неразрывно связаны с интересами всего общества; но

благодаря беззаботной жизни землевладельцы обыкновенно плохо понимают и свое, отношение к обществу, и свои собственные интересы. Интересы рабочих также не менее тесно связаны с интересами всего общества. “Класс собственников выигрывает, быть может, больше, чем класс работников при благосостоянии общества; но ни один класс не испытывает таких тяжких бедствий при падении общественного благосостояния, как работники. Хотя интересы работника находятся в тесной связи с интересами общества, тем не менее он не способен ни оценить этих интересов, ни понять связь их со своими собственными. Его положение не доставляет ему достаточно времени на приобретение необходимых сведений”. Интересы третьего класса, капиталистов, не находятся уже в такой тесной связи с общими интересами, как интересы двух первых классов. Здесь Смит делает несколько в высшей степени любопытных замечаний по адресу того класса, который мы называем теперь буржуазией. Занимаясь постоянно разными проектами и соображениями, капиталисты вообще отличаются большей проницательностью ума, чем поземельные собственники; но так как на первом плане у них все-таки находятся интересы своего частного дела, то они обыкновенно не обнаруживают правильного понимания всего того, что касается интересов общества, даже при предположении полнейшего беспристрастия с их стороны. “Превосходство их перед сельским поземельным собственником состоит не столько в основательном разумении общественных интересов, сколько в том, что они лучше знают собственные свои выгоды, чем тот – свои… Всякое предложение нового закона или торгового постановления, исходящее от этого разряда людей, должно быть встречено с крайним недоверием и может быть принято только после подробного и самого тщательного исследования, произведенного не только со всевозможною добросовестностью, но и с самою недоверчивою внимательностью. Ибо предложение это исходит от класса людей, интерес которых никогда не может совпадать совершенно с интересами всего народонаселения и состоит вообще только в том, чтобы провести общество и даже обременить его, что уже неоднократно и удавалось им делать при всяком удобном случае”. Любопытно, что эта проницательная характеристика была написана накануне того знаменательного момента, когда “третье сословие”, прикрываясь великими общечеловеческими принципами, вступило в решительную борьбу за свое политическое преобладание. И еще любопытнее, что Смит, несмотря на только что приведенные рассуждения, более чем кто-либо другой из экономистов содействовал своим сочинением торжеству экономических идей этого третьего сословия.

ГЛАВА V. АДАМ СМИТ КАК ПИСАТЕЛЬ И МЫСЛИТЕЛЬ: “ИССЛЕДОВАНИЯ О БОГАТСТВЕ НАРОДОВ”. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Капитал. Оборотный и основной. – Деньги. – Труд производительный и непроизводительный. – Накопление. – Проценты на капитал. – Различие капиталов по сфере их приложения. – Третья книга. – Отзыв Смита о крупных землевладельцах. – Четвертая книга. – Опровержение меркантильной системы. – О колониях и колониальной политике. – Критика учения физиократов. – Система естественной свободы. – Пятая книга. – Функции государства. – Облегчение торговых сношений. – Народное образование. – Налоги

Вторая книга “Богатства народов” посвящена изучению “природы запасов, их накопления и употребления”. Разделению труда, по естественному ходу вещей, должно предшествовать некоторое накопление запасов, и дальнейшее развитие разделения труда может совершаться только по мере накопления таких запасов, дающих возможность просуществовать человеку, занимающемуся одним каким-либо делом, пока он не окончит своего изделия и не продаст его. Эти запасы можно разделить на две части: одна предназначается для непосредственного потребления, а другая употребляется для получения дохода и называется *капиталом.* Капитал, в свою очередь, разделяется на оборотный и основной. Различия эти применимы к запасам и капиталам как отдельных лиц, так и всего общества. Затем, установив различие между валовым и чистым доходом страны, Смит рассматривает функцию *денег,* этого “великого колеса обращения”, доказывает выгодность замены металлических денег бумажными и посвящает обширный очерк банковским операциям, по поводу которого Бланки замечает: “Нигде мудрые воззрения Смита не проявились с таким блеском, как в этой главе, откуда все экономисты черпали основания для своих исследований о банках”. “Нельзя, однако, не согласиться, – замечает Смит, – что если торговля и промышленность страны могут быть высоко подняты при содействии бумажных денег, тем не менее они поднимаются, так сказать, на икаровых крыльях, и движение их не так надежно, как если бы оно опиралось на прочную почву,

представляемую золотом и серебром”.

При рассмотрении вопроса о накоплении капитала следует различать *труд производительный* от *труда непроизводительного;* первый производит какую-нибудь новую ценность в виде материального предмета, второй, напротив, не прибавляет ничего к общей сумме материальных ценностей. “Таким образом, труд фабричного рабочего вообще прибавляет к ценности обрабатываемого материала стоимость своего содержания и прибыль хозяина. Труд служителя, напротив, не прибавляет ничего ни к какой ценности. Первый, несмотря на получаемую им сдельную плату, в сущности, ничего не стоит своему хозяину, так как стоимость сдельной платы вместе с прибылью входит вообще в ценность предмета, к которому труд был приложен. Но содержание, потребленное служителем, не возвращается более”. В таком же смысле непроизводителен труд солдата, чиновника, законоведа, врача, церковнослужителя, ученого, актера и так далее. Смит не отрицает полезности и важности всех подобных профессий; он утверждает только, что в указанном им смысле все это труд непроизводительный. Производительные работники содержатся за счет капитала, а непроизводительные и люди, вовсе не занимающиеся никаким трудом, из доходов нации, из ренты и прибыли. Поэтому “отношением между суммою капиталов и суммою доходов всюду определяется отношение между трудолюбием и тунеядством: где капиталы превышают доходы, там преобладает трудолюбие; где перевес на стороне доходов, там господствует тунеядство”. В развивающемся промышленном обществе часть годичного производства, откладываемая в виде капитала, становится все больше и больше сравнительно с тою частью, которая образует доход в виде ренты и прибыли.

Источником накопления капитала являются бережливость и расчетливость. Сберечь – не значит просто удержать неизрасходованной часть дохода. То, что ежегодно сберегается, собственно, так же потребляется, как и то, что действительно истрачивается. Разница только в том, что “та часть годового дохода, которая ежегодно истрачивается человеком, потребляется чаще всего бесполезными людьми и прислугою, которые ничего не создают взамен того, что потребляется ими”. Часть же, ежегодно сберегаемая им и поступающая в капитал, чтобы приносить пользу, потребляется хотя почти так же быстро, но другим классом людей – работниками, фабрикантами, ремесленниками, которые воспроизводят с прибылью то, что ежегодно потребляется ими.

Накопленный капитал или пускается в дело самим владельцем, или отдается им во временное пользование

постороннему лицу за известные *проценты,* отдается в рост; берущий взаймы, в свою очередь, может дать капиталу производительное назначение, а может растратить его непроизводительным образом. “Из всех людей, которым делаются обыкновенно ссуды, – замечает Смит, – сельские землевладельцы, получающие их под залог своих имений, представляют менее всего надежды, что они употребят заем с пользою; да и они занимают деньги не с целью растратить их даром: о них можно сказать, что они уже расточали их прежде, чем заняли…” Заемщик, получающий деньги, нуждается, собственно, не в деньгах самих по себе, а в ценности их, в том количестве предметов, которое можно получить за них; точно так же и заимодавец, ссужающий его, передает не просто деньги, а свое право на известную часть годового производства земли и труда. Поэтому и количество капиталов, отдаваемых в рост, определяется не ценностью денег, бумажками или монетою, а ценностью той части годового производства, которая предназначается именно для замещения капиталов, неупотребляемых лично самими владельцами. С увеличением вообще капиталов в стране увеличиваются и капиталы, отдаваемые в рост; а вместе с тем падает получаемый на такие капиталы процент. Он падает не только вследствие общего закона, по которому рыночная цена вещей уменьшается, если количество их увеличивается, но и потому еще, что с нарастанием капиталов становится все труднее и труднее находить выгодное помещение для них. Затем Смит разоблачает заблуждение, которого не избежали даже Локк и Монтескье, будто бы процент на капитал, понизившийся в большей части Европы после открытия Америки, упал благодаря наплыву золота и серебра из новых рудников. Что касается законов, определяющих и ограничивающих величину денежного процента, то Смит высказывается против них. “Опытом дознано, – говорит он, – что подобные законы вместо того, чтобы предупредить злоупотребления ростовщичеством, только увеличивали их, так как заемщик обязан в таком случае заплатить не только за употребление денег, но и за риск заимодавца, принимающего вознаграждение за пользование его деньгами. Заемщик обязан, так сказать, обеспечить своего заимодавца против преследования за ростовщичество”.

Всякий капитал, как замечено было выше, идет на содержание производительного труда – иначе он перестает быть капиталом; но количество труда, которое он приводит в действие, изменяется в зависимости от того, к чему именно он прилагается. Наиболее выгодным приложением капитала по количеству

приводимого в действие труда Смит считает земледелие. Здесь производительными работниками являются не только люди, но и рабочий скот. “Мало того, в земледелии вместе с человеком работает природа, и хотя труд последней достается даром, тем не менее то, что производится им, имеет такую же ценность, как и то, что приготавливается самыми дорогими работниками… Поэтому капитал, приложенный к земледелию, не только приводит в деятельность большее количество производительного труда, чем такой же капитал, употребленный на фабричное производство, но он присоединяет еще несравненно большую ценность сравнительно с количеством употребляемого им производительного труда к годовому производству земли и труда страны, к богатству и действительному доходу ее населения. Из всех назначений, какие могут быть даны капиталу, это, без всякого сравнения, самое выгодное для общества”.

Третья книга “Богатства народов” представляет исторический очерк развития промышленности и может служить прекрасным доказательством той широты, с какой Адам Смит относился к изучению экономических явлений.

В этой книге он пользуется, можно сказать, историческим методом и рисует, насколько позволяло тогда состояние исторических познаний, упадок земледелия после разрушения Римской империи, возникновение и развитие городов и торговли. Но исторический метод в руках Смита не служил той лесенкой, по которой теперь так часто взбираются от давно прошедшего к настоящему, и, доказав, как дважды два четыре, неизбежность существующего, успокаиваются. У него были принципы, которых не мог поколебать исторический метод. Если земледелие пало, если с развитием городов международная торговля и мануфактурная промышленность выдвигаются на первый план, то, во-первых, на то были свои особенные причины, и, во-вторых, далеко нельзя сказать, чтобы это был самый кратчайший путь к общественному благосостоянию. Правильным путем, по мнению Адама Смита, была бы такая последовательность: сначала развивается земледелие, затем – мануфактура, и потом уже – международная торговля. Ввиду исторического характера этой части сочинения мы не станем излагать ее содержания. Отметим лишь, что уже Смит считал крупных поземельных собственников неспособными успешно вести свое хозяйство. “Чтобы заставить землю приносить доход, – говорит он, – нужно внимательно следить, как и во всяком торговом предприятии, за всеми мелочными расходами и сбережениями, на что редко бывает способен человек, окруженный роскошью, хотя бы и бережливый по своей природе. Окружающие его условия скорее влекут его к

удовлетворению своих прихотей, чем к заботе о барышах, в которых он не чувствует никакой надобности. Изящная одежда, жилище, экипаж, мебель – вот предметы, которым с самого детства он привык давать цену. Направление, естественно придаваемое привычками всем его понятиям, продолжает свое действие и тогда, когда он обратится к улучшению своих земель. Он приведет в изящный вид, быть может, четыреста или пятьсот акров вокруг своего дома, и истратит на это в десять раз больше того, что это будет стоить, пока не увидит, что если бы он предпринял такого рода улучшение во всех своих владениях (а по своим склонностям он не способен на улучшения иного рода), то разорился бы, не выполнив и десятой доли своих замыслов… Достаточно сравнить настоящее состояние этих владений с участками мелких окрестных собственников, чтобы судить и без всяких других аргументов, как маловыгодны обширные владения для успехов земледелия".

Четвертую книгу Смит посвящает изложению меркантильной и земледельческой (физиократической) теорий. Первую он излагает и опровергает весьма пространно, а вторую, которую он находит несравненно ближе к истине, – слегка. Мы знаем уже сущность того и другого учения. Оба они составляют теперь достояние истории. Меркантильная система после критики Смита погибла безвозвратно. Теперь уже никто не станет защищать торгового или денежного баланса. Если же протекционизм и поднимает, в особенности в последнее время, голову и овладевает умами мыслителей и деятелей, то он обращается к совершенно иным аргументам, чем прежде; отсюда, конечно, не следует еще, чтобы эти новые аргументы отличались обязательно и большей доказательностью. Как бы там ни было, однако всякому протекционисту приходится теперь считаться с основными положениями свободной деятельности, установленными Адамом Смитом, и нельзя сказать, чтобы новейший протекционизм не только опроверг их, но даже поколебал. Мы не станем входить в подробности Смитовой критики (это завело бы нас слишком далеко) и остановимся лишь на некоторых рассуждениях Смита, сохраняющих до сих пор свою научную силу и все свое непосредственное практическое значение.

Существует баланс, говорит Смит, который вовсе не походит на торговый, – это *равновесие между годовым производством и потреблением.* Когда меновая ценность годового производства превышает меновую ценность годового потребления, то капитал страны возрастает в размере этого превышения; когда же, напротив, меновая ценность годового производства ниже годового потребления, то капитал общества уменьшается в

размере этого недостатка. В первом случае общество богатеет, во втором – беднеет. С этой точки зрения и следует смотреть на всякие поощрения, ограничения и запрещения ввоза и вывоза товаров. Запрещение или ограничение ввоза известных предметов, несомненно, усиливает местное производство этих предметов, – но увеличивает ли оно вообще производительность общества и дает ли оно наивыгоднейшее направление последней – это другой вопрос. Никакое постановление торгового законодательства не в состоянии увеличить количество труда против того, сколько может содержаться его на существующие капиталы, и все, что оно может сделать – это дать части общего труда направление, какого она не приняла бы без такого вмешательства. Но если какое-нибудь иностранное государство может доставить нам товар дешевле, чем во сколько бы он обошелся при домашнем приготовлении, то, разумеется, для нас выгоднее купить его за часть произведений нашего собственного труда, приложенного к более выгодной для нас отрасли промышленности, чем производить его дома. Когда же это ограничение ввоза принуждает нас производить такой товар дома, то, очевидно, труд прилагается не наивыгоднейшим образом. “Ценность годового производства труда естественно более или менее понижается, когда он отклоняется от приготовления произведений, которые имели бы большую ценность, чем какую он производит по принуждению. При сделанном предположении, товар этот может быть приобретен за границею дешевле, чем стоило бы изготовить его дома; стало быть, его можно было бы купить только за часть товаров, или, что то же, за часть цены товаров, произведенных народным трудом при содействии того же капитала, если бы последний предоставлен был естественной свободе”. Следовательно, ограничение и запрещение ввоза тех или других товаров понижает в конце концов общую производительность труда. Что же касается вопроса, что такими постановлениями можно содействовать развитию отдельных отраслей производства, которые не могли бы существовать при полной свободе ввоза, то, по мнению Смита, вовсе не важно, чтобы страна стремилась произвести обязательно все, необходимое ей для удовлетворения своих потребностей. Она должна производить то, что по совокупности всех естественных условий в ней выгоднее всего производить, и получать путем обмена все прочие предметы потребления из стран, где оказывается выгоднее производить эти последние. “При содействии теплиц, оранжерей и парников, – говорит он, – можно вырастить в Шотландии превосходный виноград и делать из него отличное вино, если расходовать на

это в тридцать раз больше того, что стоит такое же вино, получаемое из-за границы. Но можно ли считать благоразумною мерою запрещение ввоза всех иностранных вин с единственной целью – поощрить производство бордоских и бургундских вин в Шотландии?" Конечно, это было бы безрассудство; но такое безрассудство представляет и стремление употреблять хотя бы на одну тридцатую, одну трехсотую труда больше против того, сколько его можно употребить на производство известных предметов. Затем, кто будет решать вопрос, в какой именно отрасли народного труда частному лицу следует затрачивать свой капитал? Несомненно, наиболее компетентным судьею будет само заинтересованное лицо. "Государственный человек, – говорит Смит, – который бы принял на себя труд указывать частным лицам, как они должны употреблять свои капиталы, мало того что занялся бы совершенно бесполезным делом, – он присвоил бы себе власть, которую безрассудно было бы поручать не только одному лицу, но какому бы то ни было совету или сенату; власть эта нигде не может быть до такой степени опасна, как в руках человека, который настолько безумен и самонадеян, что воображает себя способным к ее отправлению". Допустим даже, продолжает свои рассуждения Смит, что благодаря такого рода мероприятиям развилась бы известная отрасль промышленности и что произведения ее поставлялись бы на рынок спустя некоторое время по той же цене или даже дешевле, чем производство заграничного происхождения. Получила бы от этого вся сумма труда и доходов общества хоть какой-нибудь прирост? Нет, отвечает он. "Труд общества может увеличиться только в размерах прироста его капиталов, а капиталы его могут увеличиться только в размерах того, что может быть сбережено из его доходов; между тем непосредственное действие такого рода постановлений состоит в уменьшении доходов общества, а то, что уменьшает его доход, конечно, не может увеличить его капитала быстрее, чем он увеличился бы сам собою, если бы как ему, так и труду предоставлена была полная свобода". Итак, всякого рода ограничения и запрещения ввоза создают монополию, выгодную лишь для купцов и фабрикантов.

Будучи решительным сторонником безусловной свободы в промышленной и торговой деятельности, Смит не отрицает, что бывают обстоятельства, когда во имя каких-либо других посторонних целей приходится устанавливать те или другие ограничительные меры. Так, он считает благодетельным навигационный акт Кромвеля, потому что защита страны (этот акт послужил сильным толчком для развития английского флота) важнее, чем ее богатство. Он считает справедливым и выгодным

налагать некоторую пошлину на те продукты иностранной промышленности, которые обременены налогом при внутреннем их производстве. Так называемые боевые пошлины он признает возможными, но только как ответ на стеснение или запрещение ввоза со стороны какого-либо иностранного государства. И при этом подобная мера хороша лишь в том случае, если есть вероятность добиться таким путем отмены высоких пошлин или запрещения. “Но вопрос о том, – замечает Смит, – можно ли надеяться на ожидаемые последствия от таких стеснений, быть может, менее принадлежит познаниям законодателя, решения которого должны основываться на общих и незыблемых началах, чем ловкости лукавого и пронырливого существа, обыкновенно называемого государственным человеком или политиком, мнения которого управляются изменчивыми и мимолетными обстоятельствами”. Наконец, если благодаря существовавшим раньше высоким пошлинам и запрещениям на известные иностранные товары развилось и окрепло их внутреннее производство, то “восстанавливать свободу торговли следует по чувству человеколюбия исподволь, мало-помалу, с особенною осторожностью и осмотрительностью”. Ибо в противном случае внутренний рынок могут сразу наводнить более дешевые иностранные товары, и тысячи рабочих останутся вдруг без работы и без всяких средств существования.

Поощрение вывоза выдачею *премий* Смит безусловно осуждает. “Мы не в силах, – говорит он, – предоставить нашим производителям на иностранных рынках той монополии, какою они пользуются дома. Мы не можем принудить иностранцев покупать у них товары, как принудили бы к этому своих сограждан; а посему единственное находящееся в наших руках средство – это платить иностранцам, чтобы понудить их покупать у нас. Вот каким путем меркантильная система пытается обогатить всю страну и набить наши карманы деньгами посредством чудотворного торгового баланса”.

Если уж, продолжает Смит, выдавать премию, так выдавайте ее лучше за производство, чем за вывоз; такая премия понижала бы, по крайней мере, цену товара на внутреннем рынке и таким образом хотя отчасти вознаграждала бы народ за тот налог, который он несет ради премии; но это невозможно, пока мы, благодаря предрассудкам, убеждены, что богатство народа состоит больше в вывозе, чем в производстве.

Разные *торговые договоры,* в силу которых государство допускает ввоз известных товаров из одной страны и запрещает ввоз их из всех других стран, или освобождает от пошлины, или дает вообще какое-либо преимущество ввозу из одной страны

предпочтительно перед ввозом из других стран, бывают выгодны, по мнению Смита, только для купцов и фабрикантов покровительствуемой страны и убыточны для населения покровительствующей. “Это – монополия, отдающая население во власть чужеземному народу, вследствие которой оно обязано платить за нужные ему товары дороже, чем платило бы при свободном соперничестве других народов”.

Ратуя за полную *свободу торговли,* Смит, конечно, видел, как далеко была Англия его времени от такого идеала, и потому говорит, что надеяться на осуществление ее было бы такое же безумие, как ожидать осуществления в Англии республики утопии или Океании. “Каждая страна, – замечает он в другом месте, – завистливым глазом смотрит на благосостояние всех народов, находящихся с нею в торговых сношениях, и все, что составляет выгоду последних, считает за свою собственную потерю. Торговля вместо того, чтобы вызвать естественное согласие и дружбу как между людьми, так и между народами, стала самым обильным источником злобы и вражды. В продолжение настоящего и прошлого столетий бессмысленная зависть купцов и фабрикантов была для европейского спокойствия не менее пагубна, чем безумное честолюбие государей и министров”. Однако своими “Исследованиями о богатстве народов” Смит рассеял вековые заблуждения, потерявшие уже всякую почву в действительной жизни, и его утопия свободной торговли нашла себе довольно полное выражение в промышленной и торговой деятельности Англии. Критика меркантильной системы, наиболее известная в свое время часть книги, оказавшая такое громадное влияние на современников, заканчивается обширной главой, посвященной вопросу о *колониях и колониальной политике.* Здесь Смит касается общего вопроса о колониальном движении у различных народов и останавливается особенно подробно на английских колониях в Америке. Мы, однако, не будем входить в рассмотрение содержания этой главы.

В воззрениях Смита, как мы знаем, было много общего с воззрениями *физиократов;* поэтому и к учению их он относится гораздо снисходительнее, чем к системе меркантилизма. Главное заблуждение учения физиократов, или земледельческой системы, состоит в том, по его мнению, что оно считает ремесленников, фабрикантов и купцов людьми совершенно бесплодными и непроизводительными, что оно, ради исключительного поощрения земледелия, проповедует стеснительные меры против мануфактурной промышленности и иностранной торговли. Но, несмотря на все свои несовершенства, “система эта, – говорит

он, – из всего, что только писалось по политической экономии, ближе всего подходит к истине, и в этом отношении она заслуживает самого серьезного внимания со стороны каждого человека, желающего ближе ознакомиться с основанием такой важной науки".

Разобрав и отвергнув системы, построенные как на поощрениях, так и на стеснениях, Смит приходит к тому заключению, что остается еще только одна система *естественной свободы.* Она-то и будет вполне истинной. Всякому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, должно быть предоставлено право свободно преследовать свои личные интересы и употреблять по своему усмотрению труд и капитал. При этом государственная власть освободилась бы от обязанности руководить трудом каждого человека и направлять его самым выгодным образом для целого общества, от обязанности, которой выполнить нет никакой человеческой возможности; она несла бы только три обязанности – правда, в высшей степени важные, но вместе с тем ясные, простые и доступные пониманию всякого. Первая состоит в защите государства от насилия и нападения со стороны другого государства. Вторая – в защите каждого члена общества от несправедливости и насилия со стороны других членов, то есть в поддержании справедливого суда. "Наконец, третья ее обязанность состоит в приведении в исполнение и в поддержании общественных предприятий и некоторых учреждений, которые не могут быть исполнены и содержимы за счет одного или нескольких лиц, так как доставляемая ими прибыль не выручит расходов одного или нескольких лиц, но относительно всего общества доставляемая ими польза может более чем вознаградить за сделанные расходы". Для исполнения этих обязанностей правительство принуждено производить расходы, для покрытия которых ему необходимо располагать известными доходами. Рассмотрение этих вопросов составляет предмет *пятой книги,* озаглавленной "О доходе государя или государства".

Первые две обязанности не требуют особенных пояснений, и взгляды Адама Смита в этом отношении не представляют ничего характерного. Под третьего рода обязанностью он понимает главным образом облегчение *торговых связей* и *распространение образования в народе.* Почтовые дороги, мосты, судоходные каналы, гавани и тому подобные сооружения могут быть, по мнению Смита, "в большинстве случаев устроены таким образом, что они будут приносить достаточный доход для покрытия издержек, не обременяя собою общего государственного дохода; заведование ими центральное правительство не должно брать в

свои руки, но и не должно предоставлять его отдельным лицам, которые по обширности предприятия скоро превратились бы в монополистов; самое лучшее – сдавать их в распоряжение особых общественных комиссионеров, доверенных, действующих под контролем местных властей. Затем Смит подвергает резкой критике деятельность современных ему торговых компаний, пользовавшихся громадными привилегиями и монополиями. Но наибольший интерес для нас представляют его рассуждения о народном образовании. Высшее и среднее образование, по мнению Смита, правильнее и полезнее всего было бы предоставить на усмотрение заинтересованных лиц, которые на свои средства должны содержать желательные для них заведения. Соревнование и здесь принесло бы свои благодетельные плоды. Он находит, что с тех пор, как училища и университеты стали содержаться за общественный счет, не только понизилась деятельность и старательность профессоров, но общество лишилось возможности иметь хороших частных учителей. “Устройство университетов и коллегий, – говорит он, – основано не на пользе слушателей, а на выгодах, или, вернее, неудобствах преподавателей. Оно имеет целью поддержать власть преподавателей при всех возможных обстоятельствах: как бы они ни держали себя, будут ли они исполнять свои обязанности добросовестно или пренебрегать ими, воспитанники в любом случае обязаны держать себя относительно них таким образом, как будто бы они вели свое преподавание с необыкновенными дарованиями и с полною добросовестностью. Устройство это предполагает со стороны преподавателей всевозможное благоразумие и беспримерную добродетель, а со стороны слушателей – крайнюю нерадивость и совершенное безрассудство. А между тем, я полагаю, не было примера, чтобы при добросовестном исполнении профессорами своих обязанностей студенты оказались нерадивыми. Никогда не может встретиться необходимости в понудительном посещении лекций, которые заслуживают внимания, как это подтверждается всюду, где лекции читаются хорошо”. Университеты, замечает Смит в другом месте, не только не идут вперед умственного движения, но они не спешат воспользоваться даже уже сделанными открытиями. “Многие из этих ученых корпораций предпочитали оставаться на вечное время как бы святилищами, в которых находили защиту и покровительство опровергнутые теории и устарелые предрассудки, изгнанные из всех закоулков мира”. Свою жестокую критику университетской системы, господствовавшей в Англии во второй половине XVIII века, Смит заканчивает следующими словами: “Если бы не существовало

общественных заведений для образования, то не преподавалось бы ни одной науки, не принималось бы ни одной системы или курса воспитания, на которые не имелось бы требования в обществе, то есть которые не обусловливались бы необходимостью, полезностью или удобствами для данного времени. Частный преподаватель вовсе не нашел бы выгодным для себя при изучении какой-нибудь полезной науки ни руководствоваться устарелою и всеми признанною негодной системою, ни преподавать такие науки, которые принимаются вообще за сброд софизмов и пустой болтовни, бесполезной, педантичной. Подобные системы и подобные науки могут существовать только в заведениях, благосостояние и доход которых почти не зависят от их репутации и нисколько не зависят от того, как они исполняют свои обязанности. Если бы не существовало общественных заведений для воспитания, то молодые люди, окончившие самый полный курс учения, какой только возможен при настоящем состоянии общества, и окончившие его с полным успехом, не оказывались бы решительными невеждами во всем, что составляет предмет разговоров в обществе порядочных людей". Иначе Смит смотрит на низшее народное образование. Разделение труда притупляет умственные способности работника. "Человек, вся жизнь которого проходит в исполнении небольшого числа простых приемов, результат которых тоже всегда, или почти всегда, одинаков, не может ни развивать своего рассудка, ни изощрять своего воображения на поиски средств устранить затруднения, которых вовсе не представляется; поэтому он, естественно, теряет привычку развивать или изощрять эти способности и доходит до такой степени тупости и невежества, какая только возможна для человеческой природы… Человек становится неспособным испытывать какое бы то ни было благородное, великодушное или нежное ощущение и, стало быть, слагать хоть сколько-нибудь истинное понятие о большей части самых обыденных явлений частной жизни. Что же касается великих интересов и великих дел своей страны, то он решительно не способен судить о них…" Как ни плачевно такое состояние, но к нему неизбежно приходит масса простого народа во всяком культурном обществе, если правительство не позаботится о предупреждении этого зла. Здесь невмешательство было бы большой ошибкой. У простого народа нет ни средств, ни досуга позаботиться о воспитании своих детей, нет, быть может, даже желания вследствие отупляющего влияния однообразного, беспрерывного труда. Поэтому государство должно прийти на помощь ему не только в силу частных интересов всей этой массы, но в силу своих собственных

интересов. “Чем более будут развиты, – говорит Смит, – низшие классы народа, тем труднее они поддадутся обольщениям суеверия и фанатизма, составляющих между невежественными народами постоянный источник самых ужасных беспорядков. Сверх того, образованный и рассудительный народ лучше ведет себя и более склонен к порядку, чем народ невежественный и отупевший. Между первым в каждом человеке сильнее развиты чувства собственного достоинства и сознание того, как должны обращаться с ним законные власти; поэтому он более расположен и к уважению их”. Чтение, письмо, счет – вот те первоначальные познания, приобретение которых может быть сделано даже обязательным. Государство должно устроить “в каждом приходе или околотке небольшую школу, в которой дети могли бы обучаться за такую умеренную плату, какую мог бы дать простой работник”, поощрять стремление к образованию выдачею маленьких наград и установить испытание для всех, желающих получить звание цехового мастера или дозволение производить какой-нибудь торг или промысел. Как далек Смит в этих своих предложениях от экономистов, проповедующих laissez faire и считающих его своим духовным отцом!

Источниками для покрытия государственных расходов служат, во-первых, доходы с имуществ, принадлежащих государству, и, во-вторых, налоги; в крайних случаях государство прибегает еще к займам, которые, предполагается, должны быть покрыты доходами из двух указанных источников. Рассмотрению этих вопросов Смит посвящает всю остальную часть своей пятой, и последней, книги. По отношению к *системе налогов* он устанавливает четыре основных закона, получивших с тех пор всеобщее признание. Первый закон: подданные всякого государства обязаны принимать участие в поддержании правительства, каждый по мере своих средств, то есть в размере получаемых им доходов. Второй закон: уплачиваемый каждым налог должен быть точно определен, то есть должно быть точно установлено время уплаты, способы взимания и величина налога. Третий закон: время и способы взыскания налога определяются удобствами плательщиков. Четвертый закон: налог должен взиматься таким образом, чтобы он извлекал из народа как можно менее денег сверх того, что поступает в государственное казначейство, и в то же самое время, чтобы собранные деньги оставались возможно малое время в руках сборщиков”.

Руководствуясь этими четырьмя законами, Смит рассматривает разные налоги, существовавшие в его время как в Англии, так и в других странах. Многие из высказываемых им при этом мыслей по поводу того или другого налога были усвоены

впоследствии государственными деятелями и осуществлены на практике.

ГЛАВА VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствие систематичности в "Исследованиях о богатстве народов". – Конкретный и реальный характер их. – Успех в среде общественных деятелей. – Индивидуализм Смита. – Его космополитизм. – Значение "Исследований о богатстве народов" в отрицательном и положительном отношениях. – Высказывания Ингрэма, Бокля, Беджгота, Тойнби, Роджерса, Каутца и Чупрова

Кто берется за чтение "Исследований о богатстве народов" с целью познакомиться лишь с политико-экономическою теориею из первых рук, тот вынесет из него несколько неясное и неудовлетворительное впечатление. Книга покажется ему чрезвычайно растянутой, лишенной единства системы, переполненной рассуждениями, не имеющими прямого отношения к основным вопросам политической экономии. Читатель убеждается, что это вовсе не трактат по теории политической экономии, а сочинение, правда превосходнейшее, по основным вопросам политической экономии в связи с экономической политикой. Преходящие вопросы времени тесно переплетаются в нем с более постоянными вопросами научной теории. И читатель живо представляет себе мыслителя, который пишет свою книгу среди стремительных течений новой жизни, уже еле сдерживаемых старыми преградами, пишет ее с явным умыслом опрокинуть эти преграды и потому предназначает ее не в назидание отвлеченным кабинетным теоретикам, а для руководства людям практики, общественным деятелям. Мы знаем, что Смит начертил себе обширнейшую схему теоретических работ, но из них одна только была выполнена надлежащим образом и приобрела мировое значение – именно та, в которой он подошел ближе всего к действительной жизни и больше всего успел проникнуться ее интересами. Итак, Смит не ставит резкой грани между политической экономией и экономической политикой. В этом отношении его труд резко отличается от многих позднейших трактатов по политической экономии. Имея постоянно в виду вопросы и задачи своего времени, Смит, естественно, придал своей работе в высшей степени конкретный и реальный характер. Его необычайная способность разъяснять мысли примерами нашла себе должное применение. Уже современники Смита признали громадное значение его "Исследований" для разрешения текущих вопросов жизни. Так, Питт, два года спустя после смерти Смита, говорил в

палате общин, что он сомневается, чтобы простой и очевидный принцип накопления капитала “был когда-либо так полно развит и так научно объяснен, как в трудах одного автора, нашего современника, которого, к сожалению, нет уже в живых. Я подразумеваю, – говорит Питт, – автора известного трактата о богатстве народов; благодаря его обширным познаниям по всяким частным и философским предметам мы найдем в трудах его, я верю, самое лучшее решение каждого вопроса, находящегося в связи с историей торговли или с системами политической экономии”. Таким образом, вскоре после смерти Смита его “Исследования” становятся настольной книгой выдающихся государственных деятелей. “Учение Адама Смита, – говорит Бокль, – очень скоро проникло в палату общин и, принятое некоторыми ее вождями, было выслушано с удивлением большинством, мнениями которого обыкновенно руководит мудрость отцов и которое не верит, чтобы можно было открыть что-либо неизвестное древним. Но такие люди тщетно сопротивляются натиску развивающегося знания”. Истина свое берет. Великие открытия Смита “год от году прокладывали себе дорогу все дальше и дальше, постоянно двигаясь вперед, никогда не отступая назад. Сначала от большинства отстало несколько умных людей; потом большинство обратилось в меньшинство, а наконец и меньшинство стало распадаться”.

По своему миросозерцанию Смит был *индивидуалистом.* Он без всяких “но” и “если” ставил на первом месте личность. Общество существует для человека, а не человек для общества. Из свободной деятельности отдельных людей создается наилучший общественный распорядок. Мотивом в экономической деятельности человека служит личная выгода; каждый старается действовать с наибольшей выгодой для себя, при наименьших пожертвованиях, и такой образ действия соответствует истинным интересам общества. Деятельность эта выражается в труде. На труде Смит и строит всю свою индивидуалистическую систему политической экономии. Труд и индивидуализм неразрывно связаны. Отымите у труда его внутренний импульс, лишите его индивидуальной окраски, и вы обратите его в каторгу, в подневольную, рабскую работу. Отсюда вытекает необходимость свободы, которая должна быть предоставлена индивидуальной деятельности, или труду как выражению этой индивидуальной деятельности в современных культурных обществах. Вокруг себя Смит наблюдал как раз нечто противоположное. Деятельность и труд были скованы тысячью различных цепей в угоду разным кастовым, сословным, групповым и даже единоличным интересам, прикрываемым по обыкновению соображениями

общественной пользы. Естественно, Смит увидел, что вся задача его сводится к тому, чтобы разорвать эти цепи и освободить деятельность. Изолгавшемуся меркантилизму он противопоставил свой искренний “спрос и предложение”. Поэтому-то он говорит не о вмешательстве, которого было чересчур много, и притом совершенно некстати, а о невмешательстве. Но он не пошел за физиократами и не принял в руководство формулу “Laissez faire, laissez passer”. Он прекрасно понимал, что свобода индивидуальной деятельности требует в иных случаях вмешательства, так как иначе получается не свобода деятельности, а свобода насилия. Он понял совершенно правильно свою задачу. Закон “спроса и предложения” естественно является верховным началом в обществе людей, которые на первом плане ставят интересы материальные. Смит строил свои теории не для самоуслаждения и не для развлечения праздных умов, наконец, не из-за интересов науки для науки. Ему предстояло совершить великое дело. Ему некогда было развивать всесторонне свою теорию и доводить ее до мельчайшей отделки. Он останавливается только на выводах, которые необходимы для него в данную пору, для данного дела, предоставляя последующим мыслителям развивать и совершенствовать теорию, если она окажется истинной. И он совершил свое дело, – цепи распались. Выводы оказались правильными. Теория превосходно выдержала испытание. Сам ход вещей был за Смита. В самом деле, вскоре после выхода “Исследований” совершилась промышленная революция. Она опрокидывала все преграды, стоявшие на пути свободной индивидуальной деятельности, и государственным деятелям ничего не оставалось, как только поспешно убирать их. Новые порядки породили, однако, и новые явления. Некоторых из них Смит по-видимому вовсе не предвидел. А между тем это оказались весьма плачевные явления. Сначала под видом пауперизма, а затем рабочего или социального вопроса они обратили на себя всеобщее внимание в Западной Европе и приняли угрожающее положение. Как бы отнесся к ним Смит, не изменяя своим основным принципам, сумел ли бы он разрешить так называемый социальный вопрос на почве индивидуализма, бесполезно гадать. Но те, кто считает себя и кого считают обыкновенно за прямых продолжателей и последователей его, не сумели справиться с такой задачей. Впадая чем дальше тем больше в отвлеченное теоретизирование, они уклонялись все более и более от действительности и исполненное некогда жизненной правды учение своего первоучителя обратили в буржуазное доктринерство. Однако еще вопрос, признал ли бы сам Смит этих господ своими

преемниками. “Сильное убеждение в сравнительной свободе Смита от ложных тенденций Рикардо и его последователей, – говорит Ингрэм, – навело на мысль новейших экономистов обратиться вновь к Смиту и уже от него вести всю последовательную нить экономического изучения”. В связи с индивидуализмом Смита находится и его *космополитизм.* Отвергая всякие стеснения для индивидуальной деятельности внутри общества, он отвергал их также и в международных связях. Промышленности и торговле нет дела до национальных особенностей; с развитием их разрушаются перегородки, разделяющие человечество, и все народы мало-помалу превращаются в одну человеческую семью. Так идут дела, если промышленность и торговля не насилуются в угоду каким-либо ложным теориям и частным интересам. Но меркантильная система была именно таким насилием. Поэтому она порождала не согласие и мир между народами, а вражду и войну. И здесь Смиту пришлось разрушать, а не создавать. Он не задавался целью доказать, каким образом на основе экономического космополитизма возникнет истинное братство народов. По обстоятельствам места и времени ему нужно было доказать, что промышленный и торговый космополитизм выгоднее меркантильного национализма. Он доказал. Жизнь и в этом случае подтвердила справедливость его мысли.

С какой бы стороны мы ни подошли к воззрениям великого экономиста, мы видим, что характернейшую особенность их составляют анализ, критика, опровержение. Он устанавливает известные положения; но пользуется ими главным образом лишь для того, чтобы отвергнуть существовавшие заблуждения и на место всех их поставить свободу. Таким образом, отрицательная философия прошлого века наложила на его воззрения свою неизгладимую печать.

Прошло больше ста лет со времени появления “Исследований о богатстве народов”. Великие перемены совершились в жизни европейских народов. Миновала пора критики и разрушительной работы, столь характерной для XVIII века. Настало время творчества, положительной, созидательной работы, в стремлениях к которой мечется наш тревожный XIX век. По крайней мере, так обстоят дела в передовых европейских странах. Критика и разрушительные работы расчистили почву и укрепили свободу. Свобода – необходимое условие для какого бы то ни было благородного дела. Но необходимо делать это благородное дело; иначе нива свободы может зарасти чертополохом. Мы имеем немало свидетельств тому. Однако мыслители XVIII века, по-видимому, не думали так. Они верили, что люди,

предоставленные своим естественным или, еще уже, материальным влечениям, устроят наилучшим образом свою жизнь. Веру эту разделял с ними и Смит. При этом, занявшись изучением экономических явлений, он обратил исключительное внимание на материальные интересы и стремления людей. Он постарался даже забыть свою теорию симпатии и обширнейшую сферу явлений общественных подчинил одному – началу личного материального расчета. Действительность показала, что нива свободы, возделанная по указаниям личного материального расчета, сильно поросла чертополохом. Политическая экономия будущего не может быть построена на столь узком начале. Она примет во внимание все мотивы, которыми руководятся люди в своих экономических, материальных отношениях, и на таком широком основании воздвигнет новое, прочное здание.

Значит ли это, что труд Смита в положительном смысле не имеет никакого значения? Вовсе нет. Во-первых, “Исследования о богатстве народов” навсегда останутся образцом замечательно обстоятельной, точной, исчерпывающей (в заранее указанных автором пределах) разработки целого ряда общественных вопросов, а благодаря прекрасному, простому, ясному языку, что так редко встречается в сочинениях по политической экономии, этот труд Смита, вероятно, долго еще будет считаться классическим произведением, изучение которого будет обязательным для всякого интересующегося экономическими вопросами. Во-вторых, Смитовы “Исследования” заключают в себе немало ценных элементов для построения новой системы политической экономии, соответствующей современным требованиям жизни и науки. “В своей специальной области, – говорит *Ингрэм,* – он не только разоблачил множество ошибок и предрассудков и очистил место для истины, но оставил нам навсегда рациональный анализ экономических фактов и идей, мудрые практические указания и светлые замечания всякого рода, которыми его труд так изобилует”.

Ввиду того, что книга Смита читается и будет читаться еще многими поколениями просто как назидательное чтение, считаем не лишним привести здесь, в заключение нашего очерка, мнения о ней некоторых выдающихся писателей и ученых.

Бокль, как известно, чрезвычайно превозносит эту книгу и придает ей непомерно большое значение. “Об Адаме Смите, – говорит он, – можно сказать, не ожидая встретить противоречия, что этот одинокий шотландец изданием одной книги более способствовал благосостоянию рода человеческого, чем соединенное искусство всех государственных людей и законодателей, о которых история сохранила достоверные

известия". В другом месте он говорит: "Богатство народов" – важнейшая из когда-либо написанных книг, как по массе самобытных мыслей, которые она содержит, так и по практическому ее влиянию… Она представляет ширину взгляда, которая должна показаться смешной людям, неспособным постигнуть ее". "Никогда один человек не делал столь великого шага в таком важном предмете и ни одно из дошедших до нас сочинений не содержит такого множества оригинальных воззрений, которые были новы в свое время и подтвердились всем последующим опытом".

По мнению *Беджгота,* никакой продукт философского мышления, за исключением, может быть, некоторых богословских систем, которые не могут идти и в сравнение, не оказал тысячной доли того *влияния,* какое было произведено "Богатством народов".

"Он был, – говорит *Тойнби* о Смите, – первый великий писатель в данной области; он перенес политическую экономию с рынков и биржи в кабинет ученого; но ему приходилось ощупью отыскивать свой путь, и мы не должны рассчитывать встретить в его книге строгую систему и точные определения. Язык этой книги – пробный язык. Иногда Смит делает различия, о которых он затем забывает, как это неизбежно и должно было быть, прежде чем не установилась терминология политической экономии путем бесконечной полемики. Смит вовсе не обладал такой силой отвлеченного мышления, как Рикардо. Его талант заключается в обширности и проницательности наблюдений, в удивительной способности освещать развиваемую мысль. Мы изучаем Смита, так как в его лице, как в лице Платона, мы приходим в соприкосновение с великим оригинальным умом, который учит нас, как следует мыслить и действовать. Оригинальные люди всегда бывают несколько беспорядочны, так как они ощупью отыскивают свой путь".

"Каково бы ни было дальнейшее развитие политической экономии, – говорит *Роджерс,* – нельзя сомневаться, что последующие поколения экономических реформаторов всегда будут относиться с почетом к шотландскому профессору как к самому знаменитому человеку среди них".

По мнению *Каутца,* написавшего известную историю политической экономии, "Богатство народов" представляет одно из тех немногих могучих созданий человеческого ума, которые, являясь лишь один раз в течение столетий, воплощают в себе духовное богатство целых поколений и служат путеводным столбом в ходе развития человечества".

"Через весь труд Смита, – говорит профессор *Чупров,* –

проходит страстная любовь к свободе и ненависть ко всяким стеснениям, которые под разными предлогами налагаются на человека человеком. Он снабдил замечательными по ясности и несокрушимыми по силе аргументами ту оппозицию против государственной опеки и произвола, которая жила в душе каждого человека XVIII столетия… Смит считал главною своею миссией критику существовавшей до него правительственной системы. Но великую заслугу его составляет то, что он не ограничился одной работой разрушения старого обветшалого здания, а положил прочный фундамент для новой созидательной работы в области мысли и жизни".

Таким образом, никто, по-видимому, не станет оспаривать, что "Исследования о богатстве народов" составляют действительное *богатство* народов.

ИСТОЧНИКИ

1. *Адам Смит.* Исследования о природе и причинах богатства народов. Пер. Бибикова.
2. *Адам Смит.* Теория нравственных чувств. Пер. Бибикова.
3. *Adam Smith.* Essays philosophical and literary.
4. *Haldane.* Life of Adam Smith.
5. *Walter Bagehot.* Adam Smith, as a person.
6. *J. E.Thorold Rogers.* Historical Gleanings, a series of sketches.
7. *Джон Ингрэм.* История политической экономии.
8. *А. Чупров.* История политической экономии.
9. *И. Янжул.* Английская свободная торговля.
10. *Blanqui.* Histoire de l'Economie politique.
11. *Arnold Toynbee.* Lectures on the Industrial Revolution in England.
12. *J. E.Thorold Rogers.* The Economic Interpretation of History.
13. *Sidgwick.* Outlines of the History of Ethics.
14. *Г.Т. Бокль.* История цивилизации в Англии.

notes

Примечания

Никаких стеснений свободы и торговли” (фр.).